

ЖАК КАМАТТ

Русская община и коммунизм

16+

Жак Каматт

Русская община и коммунизм

«Автор»

2018

Каматт Ж.

Русская община и коммунизм / Ж. Каматт — «Автор», 2018

Сборник эссе Жака Каматта, участника майских событий 68-го в Париже, бессменного редактора журнала "Invariance", друга и ученика Амадео Бордиги, великого коммуниста, которого ещё Ленин критиковал за чрезмерную принципиальность в "Детской болезни левизны".

© Каматт Ж., 2018

© Автор, 2018

Жак Каматт

Русская община и коммунизм

ЖАК КАМАТТ
«РУССКАЯ ОБЩИНА И КОММУНИЗМ»
Сборник статей

Содержание

Предисловие
Русская община и коммунизм
О революции
Демократическая мистификация
Против приручения
Блуждания человечества
I. Блуждания человечества – Репрессивное сознание – Коммунизм
II. Упадок капиталистического способа производства или упадок человечества?
Происхождение и функция партийной формы

Предисловие

Предисловие, на мой взгляд, должно содержать некое представление тематики текста, или текстов, которым оно предшествует. Соответственно, я хотел бы указать на отправную точку своих теоретических исследований, а именно на вопрос, которым я задавался с семи лет: почему взрослые ведут себя так подло? Мне не удавалось найти ответа ни в своем окружении, ни в книгах, которые я читал: в поэзии, романах, затем в философии. Тем не менее, когда в восемнадцать лет я стал марксистом, я, наконец, начал находить элементы, которые можно было сложить в форме ответа на этот вопрос: темы классовой борьбы, эксплуатации рабочего класса стали убедительными примерами этой подлости, более того, я обнаружил динамику, заложившую основы для всех этих феноменов, в экономической работе Карла Маркса, которая не ограничивалась Капиталом. В частности, он убедительно показал крайние формы насилия, к которым прибегали, чтобы присвоить средства производства, низвести людей до статуса рабочей силы и вынудить их продавать ее в обмен на заработную плату: формирование класса наемных работников было совершенно необходимо для капитала, потому что он не может существовать без наемного труда. Вся история развития капитала сопровождалась насилием, из-за непрерывной пролетаризации трудящихся масс, а также из-за регулярно разражавшихся кризисов, периодически повергавших эти массы в нищету.

Чтобы защититься и ограничить деградацию условий своей жизни пролетариат занялся организацией обществ взаимопомощи, профсоюзов и политических партий, в связи с чем появилась идея о том, что революции, порождаемые кризисами, можно было использовать для уничтожения капитализма. Поэтому политические партии пролетариата начали ставить перед собой задачу захвата власти. Одновременно шли оживленные дебаты о деспотизме и демократии. Революционеры утверждали, что демократия служит для колоссальной мистификации масс, потому что под ее маской постоянно скрывался настоящий деспотизм большинства. Но революции терпели поражения и произошел поворот к возможности преобразования империалистической войны в революцию, что и осуществилось в 1917-м в России. Поскольку

революция произошла в стране, в которой капитализм едва начал свое развитие, все больше начали думать о том, что ускорению начала мировой революции могут послужить антиколониальные революции. Этого не произошло. В 1957-м Амадео Бордига, отталкиваясь от теории цикла кризисов и революций, предсказывал, что в 1975-м, вслед за масштабным кризисом произойдет мировая революция. Этого также не произошло, но вместо этого наметился глубокий разрыв, который нашел себе весьма красноречивое свидетельство в докладе Римскому клубу 1972-го года под названием «Пределы роста». С тех пор потребность в революции была продиктована уже не просто стремлением положить конец капитализму, а насущной необходимостью избежать риска полного вымирания.

Так стало вполне очевидным до каких крайностей способна дойти подлость взрослых и ужас, порожденный дихотомией господства-подчинения. Что можно сделать, чтобы отстоять человеческую жизнь? В семидесятых годах прошлого века, триумф капитала позволил ему интегрировать все противоречия, и он предпринял бегство, в связи с чем я заявил в то время, что мы должны покинуть этот мир, одновременно не отказываясь от той точки зрения, что вся прошлая борьба пролетариата не была напрасной, потому что она позволила сохранить обширное человеческой измерение в нашей жизни, в условиях все более и более искусственного становления.

В конце концов, в девяностых, отталкиваясь от теоретических выводов самого К.Маркса, я продемонстрировал наступление смерти капитала из-за исчезновения его жизненной субстанции, класса наемных работников, и автономизации его формы в виде безудержного роста. Именно тогда я задался основополагающим вопросом: зачем человеческий вид вообще создал капитал? Но я также спрашиваю себя: как теперь еще проявится подлость взрослых? Потому что она не прекращалась никогда.

Жак Каматт

декабрь 2021 г.

Русская община и коммунизм

*Этот текст изначально должен был стать предисловием к французскому изданию двух сочинений Амадео Бордиги о России: «Россия и революция в марксистской теории» и «Социально-экономическая структура России сегодня». Однако Интернациональная Коммунистическая Партия, обладавшая авторскими правами на эти тексты, подала в суд, и они так и не были опубликованы. Предисловие Каматта в конечном итоге было опубликовано в журнале *Invariance II* серия, № 4, 1974 г. (примеч. Эльдара Саттарова)*

Публикация текстов Бордиги и написание предисловия к ним были для нас отталкивающей задачей. Спираль русской революции стала одним из крупнейших событий этого века. Благодаря ей, орда мыслителей, писателей и политиков получила работу. Среди них выделяется банда спекулянтов, утверждающих, что Россия является коммунистической страной с преобразованными социальными отношениями. Однако люди там живут так же, как и мы, отчуждение существует и там. Поэтому преобразования социальных отношений недостаточно. Надо изменить человека. Начиная с этого открытия, каждый 'функционирует' в рамках своей специализации, разрабатывая социологические, экологические, биологические, психологические и прочие решения. Другая банда приписывает себе революцию, доказывая, что капитализм можно гуманизировать и адаптировать к человеку, снижая рост и предлагая ему этику воздержания, удовлетворяя его интеллектуальной и эстетической продукцией, ограничивая

его материальные и эмоциональные потребности. Она заставляет компьютеры провозглашать апокалипсис, если мы не будем следовать советам просвещённых капиталистов. Наконец, ещё одна банда заявляет, что в СССР не капитализм и не социализм, но некая смесь обоих, русский коктейль! Здесь опять приводятся в движение разные науки, для того чтобы доставить новые продукты на переполненный рынок.

Вот почему необходимость швырять Бордигу (а также самих себя) в этот активистский водоворот вызывала у нас страх и отвращение. Тем не менее, это всё-таки необходимо, хоть и под риском быть вовлечёнными в этот отвратительный меркантилизм, с одной стороны, в любом случае, как отмечал Маркс "Как можно избежать грязи в обычном буржуазном взаимодействии или торговле? Именно там её обиталище". (Маркс Фрайлиграту, 29.2.1860.), и, с другой стороны, миф о русском коммунизме полностью покидает сознание тех, кто искал и боролся после мая-1968. Тексты Бордиги могут оказаться полезными также и по этой причине, для перехода от мифов к реальности и понимания будущей коммунистической революции.

Русская революция давно уже осталась в прошлом. Но её интересно изучать в исторических последствиях и в вопросах, которые она не смогла разрешить. Бордига, который внимательно следил за всеми превращениями этой революции, и её многогранным продолжением во всём мире, умер в 1970-м. Но его отношение к русскому феномену сохраняет поучительный и вдохновляющий характер.

Следует рассмотреть личность человека, который стал автором представляемой здесь работы, для того чтобы понять с какой глобальной точки зрения здесь рассматривается русская революция. Бордига особенно известен из-за замечаний Ленина; его порицали за абстенционизм и навешивали на него ярлык анархиста. Для многих Бордига остался лишь ультралевым коммунистом, который исчез с революционной сцены в 1928-м. В поверхностном смысле это верно. Убеждённый в том, что великих людей, т.е. клоунов, которых он называет пустозвонами порождает лишь контрреволюция, он отошёл от активной деятельности в анонимность¹, которая была оправданной, но которая не означает, что он отошёл от коммунистического движения. С 1944-го по 1970-й он участвовал в Интернационалистической Коммунистической Партии, которая стала Интернациональной Коммунистической Партией в 1964-м. Его статьи появлялись в газетах *Battaglia comunista* и *il Programma comunista* и журналах *Prometeo* и *Sul filo del tempo*.

Бордига резюмировал свою позицию по русской революции в конце первой части «России и революции в марксистской теории»², которая в то же время показывает его фундаментальное теоретическое³ отношение, его абсолютное сопротивление сомнениям, не эвристическим сомнениям, являющимся лишь хитростью разума по Гегелю, ставящим определённую в скобки, но сомнениям, представляющим проникновение власти врага, вторжение окружающей идеологии, чреватость смертью из-за ухода от любого энтузиазма и революционной перспективы, конкретизированным в альянсе с существующими течениями и приятием доминирующих формул.

Бордига много писал о русской революции. Его деятельность была сильно обусловлена потребностью защищать её и, с другой стороны, как он заявлял в 1951-м:

"Анализ контрреволюции в России и её сведение к формулам не является центральной проблемой для пролетарского движения в ходе его восстановления, которого мы ожидаем, потому что это не первая контрреволюция, марксизму известна целая их серия".⁴

Вся эта деятельность выходит за рамки русской революции в сторону будущей революции, но в то же время можно определённо утверждать, что ему не удалось перерезать пуповину, связь с этой революцией.

Он сразу поддержал большевиков в 1917-м, иногда не зная всех событий и, в некоторых случаях, он предвидел меры, которые они предпримут. Революция не была для него сюрпри-

зом, она не заставила его поставить под вопрос марксизм, для него она стала скорее ярчайшим подтверждением его правоты. Бодигу фундаментальным образом занимала подготовка партии в Италии и на всём Западе к осуществлению задачи большевиков: к захвату власти. Именно с этой точки зрения он вёл полемику о создании советов. Для него, они зарождались в момент самой революции. Но в Италии, особенно в 1917-м, революции следовало помогать, вести её, и для этого нужен был классовый орган, партия. Более того, он считал, что советы часто рассматриваются через анархо-синдикалистскую призму: пролетариат создаёт органы, заменяющие (при том, что капиталистический способ производства (далее КСП) всё ещё остаётся в силе) капиталистические органы: ср. его статьи в *il Soviet* в 1919-20 гг.

Начиная с 1919-го, Бордига уже считал, что была утрачена крупная революционная возможность и что революционный этап завершился. Поэтому надо было укреплять партию и противостоять предсказанной им атаке справа, со стороны сил, стремившихся к уничтожению социалистов. В Коминтерне он выступал за укрепление партий, считая, что все меры должны быть направлены на то, чтобы все партии Интернационала приняли исключительно марксистские позиции, отсюда его роль в принятии 21 условия, два из которых были написаны по его идее. Для осуществления борьбы на мировом уровне, следовало занимать правильные классовые позиции, без каких-либо изъятий, без обмана.

Позже, когда фаза отлива достигла зенита, Коминтерн пытался возобновить революционную деятельность, возвращаясь к массам (единый фронт), а затем через большевизацию национальных компартий. Бордига был против всех этих формулировок, считая их камуфляжными мерами, которые стали к тому же проявлениями новой волны оппортунизма. Однако он никогда не ставил под вопрос пролетарский, социалистический характер русской революции. Он считал, что у неё были свои особенности, но он не говорил как КАРД (Коммунистическая Рабочая Партия Германии), которая называла её "буржуазной революцией, осуществлённой коммунистами" (Принцип антагонизма между советским правительством и пролетариатом) начиная с 1922-го, скорее о двойной природе революции:

"Третий Интернационал – это создание русских, русской коммунистической партии. Он был создан для поддержки русской революции, то есть, частично пролетарской, частично буржуазной революции".⁵

Так же, отвечая Коршу, который выслал ему Левую Платформу⁶:

"Нельзя говорить, что русская революция была буржуазной. Революция 1917-го была пролетарской, и было бы неправильно обобщать её 'тактические' уроки. Сегодня вопрос стоит о верном понимании того, что случается с пролетарской диктатурой в одной стране, когда за одной революцией не следуют другие... Судя по всему, вы исключаете возможность политики коммунистической партии, которая бы не заканчивалась восстановлением капитализма. Это подразумевает оправдание Сталина или поддержку недопустимой политики 'самоустранения из власти'". (Неаполь, 28.10.26.)⁷

Иными словами, в течение этого периода он не занимал никаких позиций по отношению к социальной природе СССР. Что для него было важно (и что немногие из его критиков поняли) была природа русского государства и то, какой класс был у власти. Это было показано программой, действиями партии, управлявшей государством. Для Бордиги, не просто русская партия должна была управлять государством. Это должен был делать Коммунистический Интернационал. Вот почему дебаты 1926-го, закончившиеся победой теории социализма в одной стране, были так важны для него, потому что указывали на капитальную смену государства, которое не следовало больше определять как пролетарское, потому что оно уже не находилось на службе у мировой революции. Но при этом:

"Нельзя просто заявлять, что Россия является страной, которая направляется к капитализму".⁸

Вот почему только после перехода СССР на сторону западных демократий Бордига заявил, что исключительно с этих пор контрреволюция одержала окончательный триумф и что в СССР строится капитализм.

Если капитализм шёл к триумфу, как следовало характеризовать СССР и, с другой стороны, каково было начало развития капитала? Был ли отлив, то есть, должен ли был установиться социализм, а после него в Россию должен был быть возвращён КСП? Бордига держался своего политического тезиса в этих дебатах, которые энергично возобновились после 1945. Он всё ещё говорил о социалистических характеристиках экономики в «Советской России от революции до сегодняшнего дня»⁹. Этим он отвечал на вопрос: какой класс находится у власти в России?

"Фактически класс, эксплуатирующий русский пролетариат (и который, возможно, проявится в свете дня очень скоро) сегодня состоит из двух очевидных исторических форм: международный капитализм и олигархия, доминирующая изнутри и от которой зависят крестьяне, торговцы, обогатившиеся спекулянты и интеллектуалы, которые очень быстро приобрели самые большие выгоды".

Вся эта статья демонстрирует интернационалистическую перспективу Бордиги и значение, которое он придавал политическому фактору, т.е. способности пролетарского государства применять меры, направленные на развитие основ социализма. Возвращаясь к правящему классу, он характеризовал его как касту скрытых предпринимателей. Он также говорил и о бюрократии, но он никогда превращал её в главенствующую прослойку или, как Шалье, даже в правящий класс. И всё же, трудности, через которые он пытался раскрыть существование этого класса, явно присутствовали всегда. Ему приходилось вмешиваться в дебаты о социальной природе СССР, в котором некоторые усматривали государственный капитализм, где государство стало всемогущим и может управлять капиталом, в то время как другие видели в нём бюрократический капитализм (Шалье, *Socialisme ou barbarie* № 2), и о роли СССР в игре международных сил. Большинство 'левых' революционеров размещало СССР в центре контрреволюции, потому что государственный или бюрократический капитализм был, по их мнению, гораздо более могущественной формой господства, высшей стадией капитализма, чем всё, что было возможно в Западной Европе или США.

Бордига в ответ начал писать «Собственность и Капитал»¹⁰, в котором содержались фундаментальные элементы объяснения, прояснявшие будущее, как русского, так и западного общества, граничившее с повторениями ленинских тезисов. В главе «Современная тенденция к предприятию без собственности, ассигнований и концессий», он рассматривает вопрос, который позже он поднимет в «Социально-экономической структуре России сегодня», он утверждает:

"У современного государства никогда не было реальной экономической деятельности, которую оно всегда делегировало путём ассигнований и концессий в пользу капиталистических групп".

Здесь мы видим утверждение позитивной критики концепций государственного капитализма и бюрократии как класса. Это объясняется в главе «Экономический интервенционизм и управление как господство капитала над государством»:

"Речь идёт не о частичном подчинении капитала государством, но о полном подчинении государства капиталу".

Наконец он анализирует Этапы трансформации России после 1917-го, где он рассматривает вопрос правящего класса в России:

"Большая трудность в определении физической группы людей, из которых состоит эта буржуазия, сформировавшаяся не спонтанно и в той мере, в какой она сформировалась при царизме и уничтожена после 1917, заключается в факте демократического и мелкобуржуазного

мышления, которым наши господа и хозяева рабочего класса были заражены в течение многих лет".

Значит, следовало понимать, кто представляет капиталистические экономические интересы. Ясно, что Бордиге пришлось бы вступить в противоречие с подобным буржуазным способом мышления в его архаичной (т.е. демократической) форме: всякая вещь, что существует должна обладать представительством, проявляться в виде посредничества между вещью и теми, кто рассматривает её, а именно в виде делегирования существования тем, кто должен констатировать и утверждать факт этого существования. Для Бордиги, фундаментально анти-демократического человека, посредничество не обладало никаким значением. С другой стороны, бюрократия должна была заполнить собой пробел для всех тех, занимался Россией, Бордига показал, что, наоборот, бюрократия зависела от бизнесменов:

"...буржуазия, которая никогда не была кастой, но появилась в контексте защиты прав условного всеобщего равенства, становится «сетью сфер интереса, которая утверждается в клетке каждого предприятия», Персонажи подобной сети крайне разнообразны. Это уже не собственники, банкиры или акционеры, но всё больше и больше спекулянты, экономические эксперты и бизнесмены. Одной из характеристик развития экономики является то, что привилегированный класс обладает всё более изменяющимся и текучим человеческим материалом (нефтяные шейхи, которые были управляющими и снова станут таковыми).

Как во все эпохи, подобная сеть более или менее заметных интересов и людей обладает отношениями с государственной бюрократией, но сама не является бюрократией, она обладает отношениями с 'кругами политиков', но не представляет собой политической категории. При капитализме подобная сеть является в первую очередь 'международной' и сегодня уже нет национальных буржуазных классов. Есть национальные государства мирового капиталистического класса.

Сегодня русское государство является одним из них, но с определённым, исторически уникальным происхождением. Фактически, это единственное государство, появившееся из двух революций, благодаря политической повстанческой победе. Оно стало единственным отвернувшимся от второй задачи, но оно всё ещё не выполнило первую: превращение России в регион меркантильной экономики (с глубокими последствиями для Азии)". (*там же*)

Касаясь роли России в мировом масштабе, Бордига утверждал, что центром контрреволюции являются США, а не СССР. США могут вмешиваться сами или через ООН и в своей полемике с Даменом¹¹, он предлагает следующую шутку, для того, чтобы объяснить свою позицию:

"..давай уберём Усача (т.е. Сталина) из Москвы и, для того, чтобы ни над кем не насмеяться, заменим его Альфой (т.е. Бордигой). Трумэн, который уже продумал эти возможности, прибудет через пять минут".

Бордига считал основной победой контрреволюции тот факт, что сталинисты объединились с США во время войны 1939-45 гг. СССР были куплены американским долларом. Он считал, что то же самое случится с Китаем во время корейской войны.

Всё это было озвучено в форме тезисов на встрече Интернационалистической Коммунистической Партии в Неаполе, «Уроки контрреволюций, двойных революций. Капиталистическая революционная природа русской экономики» (1951). Для некоторых это стало скандалом; как можно было использовать прилагательное «революционный» по отношению к СССР в 1951-м? Бордига повторяет это в «России и революции в марксистской теории»; для него существовали разные революции, отличавшиеся от той (когда Бордига это писал), которую мы в итоге должны реализовать: от коммунистической революции. Поскольку она не сбывалась и особенно, поскольку не было никаких признаков её приближения, (для Бордиги) было очевидно, что распространение КСП на Россию и Азию было революционным феноменом, как Маркс говорил об этом в 1848-м в отношении Европы.

Однако если рассматривать то, как русская революция, по определению смогла лишь дать толчок появлению КСП, теперь следует описать характеристики нынешнего русского общества и правящего класса. Если вопросы появляются вновь и вновь, это потому что анализ не коснулся основной точки развития капитала и не коснулся самых недавних тенденций. Вот почему Бордиге пришлось вернуться к Марксу для того, чтобы описать русский феномен.

"Только видение, забывшее материализм, позволяет себе отклоняться, когда не видит 'личности' индивидуального капиталиста перед собой. Капитал всегда был внеличностной силой, начиная с молодого Маркса. Детерминизм без людей не имеет смысла, это правда, но люди являются инструментом, а не двигателем". («Обезумевшие компасы», в «Battaglia Comunista» n°20, 1951).

Фактически, дебаты шли об определении капитала. В «Убийстве мертвецов» он вспоминает, что Маркс характеризует КСП производством прибавочной стоимости и жадностью до прибавочного труда ("Ненасытный аппетит к прибавочному труду" в I томе Капитала). В этом ключе он рассматривает "новости о государственном капитализме":

«Когда постоянный капитал устанавливается на нуле, колоссальное накопление капиталистической прибыли продолжается. Это утверждение равнозначно утверждению, что предприятие продолжает приносить прибыль, даже если капиталист избавлен от обузы поддержания постоянного капитала.

Эта гипотеза и есть реальность сегодняшнего *государственного капитализма*.

Передача капитала государству означает, что постоянный капитал равняется нулю. В отношениях между предпринимателем и рабочим ничего не меняется, поскольку они зависят лишь от величин *переменного капитала* и *прибавочной стоимости*.

Является ли анализ государственного капитализма чем-то новым? Без какого-либо высокомерия мы заявляем, что знали всё это с 1867-го. Вкратце: $k = 0$.

Не будем оставлять Маркса без следующей страстной фразы, следующей после этой холодной формулы:

"Капитал – это мёртвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живёт тем полнее, чем больше живого труда он поглощает"».

Бордига развил эту тему, которую он часто поднимал вновь в связи с вопросом о государственном капитализме, бизнесе и спекулятивной эксплуатации природных катастроф (определяя итальянскую экономику, как специализацию по катастрофам). Здесь он показывает, что капитализм, в своём развитии, является общепринятым гангстеризмом, повсеместным криминалом и, добавим мы, безумием.

"Для того, чтобы эксплуатировать живой труд, капитал должен порождать мёртвый труд. Он любит сосать молодую тёплую кровь, и убивает трупы".

Только путём разрушения постоянного капитала, его неподвижной части, он может высвободить новый производительный процесс, при котором капитал снова может удовлетворять свою жажду прибавочного труда.

С другой стороны, он отвечает в «Доктрине одержимого дьяволом тела» на вопрос о том, что такое правящий класс? Здесь он снова опирается на анализ Маркса из «Капитала»:

"Личность капиталиста уже не обладает значением здесь, капитал стократно существует и без него в том же процессе. Человеческий субъект стал бесполезным. Класс, не состоящий из индивидов? Государство на службе не у социальной группы, а у бесплотной силы, работы Святого Духа и дьявола? Обратимся к иронии нашего старины Карла. Вот обещанная цитата:

" Превращая деньги в товары, которые служат вещественными элементами нового продукта, или факторами процесса труда, присоединяя к их мёртвой предметности живую рабочую силу, капиталист превращает стоимость – прошлый, овеществлённый, мёртвый труд – в капитал, в самовозрастающую стоимость, в одушевлённое чудовище, которое начинает «работать» «как будто под влиянием охватившей его любовной страсти»"

В 1952-м Бордига ответил на «Экономические проблемы социализма в СССР» за авторством Сталина своим собственным «Диалогом со Сталиным», где он повторяет то, что говорил в предыдущих статьях (ср. «В вихре меркантильной анархии»); русская революция завершилась. Он также отвергает сталинский тезис о том, что закон стоимости сохраняется при социализме, и повторяет это несколько раз. Бордига каждый раз вынужден возвращаться к работе Маркса для того, чтобы возобновить интегральный анализ критики политической экономики.

Утверждение о завершении русской революции не разрешало проблемы. Как вышло так, что пролетариат совершил буржуазную революцию? (Бордига называл Ленина великим буржуа, а Сталина романтическим революционером). Разве в Октябре 1917-го не было ничего пролетарского? Именно тогда Бордига набросал серию статей о происхождении русской революции. Он настаивал на выводе, уже сделанном КАРД в 1922: это была двойная революция, пролетарская и буржуазная. Поскольку первая была поглощена (что было частично подтверждено в 1946-м), вторая расцвела пышным цветом. Пролетариат совершил буржуазную революцию:

"В этом состоянии подвешенности, которое пришло после войн, проигранных на границах и национального унижения от того факта, что мусульманские и азиатские народы оказались более продвинутыми в капиталистических методах ведения войны, они нашли условия для выполнения 'романтической' задачи пролетариата: как разрешить историческую головоломку, не беря власть в свои руки, а отдав её своим социальным эксплуататорам. Вся литература была посвящена этому, и серия гигантов начиная, возможно, с Гоголя до Толстого, Достоевского и Горького, различными способами и в различных масштабах, приняла социальные постулаты Запада, это плоды романтической, немарксистской мысли".

"Поскольку там не было буржуазии, сознающей свою классовую силу, марксисты начали работать в качестве 'просветителей', т.е. повторять мысль буржуазии, её просвещённой части".

Наконец, он написал восемь тезисов о России в «Медведе и его большом романе». В них определены результаты революционного процесса. Пятый тезис посвящён правящему классу:

"Утверждение о нынешнем отсутствии статистически определяемого буржуазного класса не противоречит предыдущему тезису, поскольку марксизм предвидел это ещё задолго до революции, притом, что сила современного капитализма определяется формами производства, а не национальными группами индивидов".

Тогда Бордига думал, что в достаточной мере прояснил 'русский вопрос' и что можно перейти к другим:

"Товарищ (то есть Бордига) предвидел, что это собрание включит в себя часть, посвящённую проблеме Америки и западных капиталистических стран в частности, притом, что предыдущая большая работа достаточно чётко очертила общее определение нашего взгляда на Россию и на её социальную экономику. Она показывает марксистскую концепцию двойной революции, при которой одна половина прививает другую, или нечистой революции (придавая этому термину историческое, а не моральное значение). Диалог (со Сталиным) и другие тексты в достаточной мере систематизировали эту часть, теперь мы должны проанализировать чистую, антикапиталистическую, пролетарскую революцию".

Но пуповина, связывавшая эту партию с русской революцией, была слишком прочной и все эти объяснения недостаточно чётко объясняли для них 'загадку'. Они сочли, что эту тему следовало разрабатывать и далее. После «Факторов расы и нации в марксистской теории» и «Аграрного вопроса», которые стали введением в историю России (Бордига настаивал на тезисе капитализм = аграрная революция, и на том факте, что аграрная проблема была центральной из тех, что должны были разрешить как русская, так и коммунистическая революции), ему пришлось вернуться к России и начать писать «Россию и революцию в марксистской теории».

Так, читатель может получить представление о том, как была рождена представляемая работа. Следует отметить, что большинство тем было рассмотрено в статьях фрагментарно и, кроме этого, что существовал постоянный обмен между объяснением русского общества и разъяснением критики политической экономии. Здесь присутствовала постоянная тема диктатуры пролетариата, которая могла бы направлять развитие производительных сил в необъятной России. Вот почему Бордигу в первую очередь интересовала природа государства: не только потому, что он не обманывался по поводу того, что государство могло не определяться экономической и социальной структурой. Он очень хорошо знал, что в России, начиная с определённого момента, социальные силы неизбежно должны будут уничтожить пролетарское государство, при отсутствии поддержки со стороны революции на Западе. Но для того, чтобы обнаружить вырождение этой революции он анализировал не экономическую сферу, а политическую. Только когда это государство стало полностью капиталистическим, он занялся социально-экономической структурой, потому что теперь надо было понять, как будут рождены силы, которым предстоит бороться за коммунистическое общество и на что им следовало ориентироваться. Довольно красноречивым является тот факт, что именно во время Двадцатого съезда, когда Россия открыто заявила о своей интеграции в капиталистический лагерь, он предсказал, что коммунистическая революция должна будет произойти в 1975-м.

Статьи Бордиги об СССР после 1957-го не очень интересны. Они служат лишь иллюстрациями к тому, что он говорил и объяснял в предыдущих текстах. Кроме этого, он энергично повторяет следующую аксиому: речь идёт не о строительстве коммунизма, а об уничтожении препятствий для его развития. Ему пришлось бы провести тщательный анализ развития КСП для того, чтобы сделать более фундаментальный вклад. Теперь (несмотря на несколько существенных замечаний, указывающих на возможное плодотворное исследование) это выглядело слишком 'физиократическим', потому что относилось к массе производства и ритмам его роста. В 1964-м, после провала экономических мер Хрущёва, его увольнения и удовлетворения требований колхозников, Бордига отмечает:

"Тем не менее, очевидно, что дорога к полноценным формам капитализма в России была тяжёлой и трудной и ей снова придётся столкнуться лбами крупный капитал с мелкой собственностью, которую крупный капитал не мог не поддерживать и не укреплять. Так он похоронил героические и широкомасштабные усилия большевистского авангарда, предвидевшего, что единственной возможностью для сопротивления в ожидании пролетарской мировой революции станет выживание в осаждённой крепости государственного капитализма, контролируемого пролетарской диктатурой, отодвигая скачок к экономическому социализму в будущее, ко времени революционной волны в индустриализированных странах Запада".

К сожалению, этот диагноз использовался в прямой и полемической манере для того, чтобы показать, что в отличие от всего, что провозглашал Хрущёв, СССР не мог догнать США. Следовало задаться вопросом: существуют ли гео-социальные регионы, в которых КСП не мог развиваться, а если бы и мог, не стоило ли бы это громадных трудностей, до такой степени, что даже положительные эффекты, существовавшие на Западе, были бы уничтожены в этих регионах? Но это подразумевало бы критическое отношение к действиям большевиков. Бордига не собирался поднимать этот вопрос. Он всегда поддерживал ленинистские установки и следовал им в своих выводах. Можно сказать, что, неким образом, русская революция осталась для него политическим феноменом, который должен был овладеть экономическими силами для того, чтобы выйти на дорогу к социализму.

Для того чтобы понять позиции Бордиги по отношению к России полезно знать другие его работы. Мы дадим их краткое изложение. Бордига был фундаментально антидемократическим и анти-инновационным человеком, т.е. он боролся с теми, кто считал, что было возможно и необходимо создать новую теорию или что можно актуализировать марксизм, пользуясь следующим определением:

"Мы используем слово 'марксизм' не для того, чтобы обозначить доктрину открытую и представленную индивидом Карлом Марксом, но для того, чтобы обозначить доктрину, возникающую с современным индустриальным пролетариатом и 'сопровождающим' его в течение всего хода социальной революции – и мы сохраняем название 'марксизм' несмотря на все спекуляции и эксплуатацию его целой серией контрреволюционных движений". («*Историческая инвариантность марксизма*», 1952)

Важна связь с классом, определяемым способом производства, который он стремится создать. Метод, которым он должен реализовать это создание является его программой. Фундаментальные линии программы пролетарского класса были установлены в 1848-м. Они таковы: пролетариат должен сформироваться как класс, а значит как партия. Затем он должен стать государством для того, чтобы уничтожить все классы, а значит и себя самого, для того, чтобы стало возможным развитие коммунизма (ср. «*Основы революционного коммунизма*», 1957). Партия таким образом рассматривается с одной стороны как часть класса, предвосхищение коммунистического общества, "проекция в настоящее социального человека завтрашнего дня" (ср. «*Теория первичной функции партии*», 1959), с другой как орган сопротивления в тот момент, когда пролетарский класс был разбит и находился под влиянием правящей идеологии, поэтому партия должна сохранять 'классовую линию'. Марксизм, если его рассматривать не только как теорию революции, но и как теорию контрреволюции, способен к сопротивлению, которой заключается в поддержании им программы целого класса. Поэтому формальная партия, к которой принадлежал Бордига, могла рассматривать себя как связующее звено между предыдущим этапом, когда пролетариат складывался как класс, и будущим, когда должна была выплывать анонимная революция, приводя в движение весь класс. Бордига признавал, что формальная партия может исчезать, то есть, что может произойти так, что больше не будет революционеров, защищающих классовую программу в течение какого-то периода, но, что партия возродится в "далёком, но светлом будущем", следуя за динамикой присущей капиталистическому обществу и за фактом абсолютной потребности человеческого вида в коммунизме.

Во время периода отлива (т.е. сильной контрреволюции, которая заставляет класс отходить на прежние позиции), основной ролью обладает описание коммунизма, таким было поведение самих Маркса и Энгельса, посвятивших, по словам Бордиги, всю свою жизнь его описанию. Так можно поддерживать линию будущего в достойном презрения настоящем, сопротивляясь контрреволюции отвергая все демократические формулы и все ошибочные импульсы к инновации. Это подразумевает структурный анти-активизм потому что совершать вмешательства можно только в 'зрелые периоды истории' человечества. Тогда следует бросаться в битву очертя голову и не сдаваться при первом же шоке, не уходить из партии, как только враг начинает обретать преимущество. Таково было значение размышлений над дебатами 1926-го. Надо было сопротивляться, мировой пролетариат, организованный Коммунистическим Интернационалом, должен был сопротивляться капитализму в ожидании новой революционной войны. Но как только начинался её отлив, надо было проходить через чистилище и ждать пока контрреволюция не выполнит все свои задачи. Бордига считал, что это было реализовано в 1956-м. Отсюда предсказание новой революционной волны с кульминацией в 1975-м.

Надо было снова восстановить марксизм, от которого отказались сталинисты, в течение периода ожидания, не теряя из виду непосредственные движения класса, для того, чтобы осознавать насколько они способны сотрясти диктатуру капитала. Но это следует делать без иллюзий. Поэтому он говорил, что после Второй Мировой войны не будет революции (фашистские страны проиграли войну, но фашизм победил), что Третья Мировая война не была неизбежной, а холодная война была формой мира. Поэтому не могло быть революции после краткого созревания как думали те, кто считал, что неотвратимый третий конфликт даст начало революции после него. Берлинское движение (1953-го года) не стало началом нового революцион-

ного цикла. Не стало им и венгерское восстание 1956-го, потому что оба были межклассовыми движениями, в то время как пролетариат мог победить только через автономную организацию, в борьбе за собственные цели.

Тем не менее, очевидно, что всё это принадлежит прошлому, и многие спрашивают, какое эти события имеют значение? Какое значение в отказе от лести Югославии как новой социалистической стране? В том же отказе по отношению к Кубе, Китаю и в отрицании того, что центр революции находится в странах третьего мира? Фактически, какая в этом польза, когда весь мир убеждён в противоположном?

Именно потому, что, фактически, у Бордиги было предвидение определённого будущего, он смог вести себя определённым образом и избежать революционного маскарада послевоенного периода, которым дирижировали троцкистские и схожие группы. Здесь заключалась его последовательность, в теории нет пользы, если она не предлагает предвидения. Но никто не может предвидеть без какой-то уверенности.

Бордига несколько раз расходился с большевиками по вопросу о демократии. Он был абстенционистом, отвергавшим любое участие в парламенте, любые демократические механизмы. Надо было чётко определять тактику по отношению к условиям чётко определённой борьбы на исторических этапах, когда действовал пролетариат. Схожим образом он отвергал теорию государственного капитализма и считал теорию империализма совершенно недостаточной и т.д. Несмотря на это, как мы уже повторяли, он так никогда и не порвал с Лениным, потому что для Бордиги он был теоретиком диктатуры пролетариата (последовательным продолжателем Маркса), оказавшимся способным применить её в огромной стране. С другой стороны, всё развитие антиколониальных революций усиливало для него правоту ленинистских позиций. Отсюда не критическая апология большевиков, но, при этом, также защита итальянских левых коммунистов и самого себя от обвинений в анархизме, ультралевачестве, пассивности и т.д., что привело его к ложным обвинениям КАРД, Паннекука и т.д., особенно в тех вопросах, в которых они были очевидно близки к нему.

Но это лишь частный аспект работы Бордиги. Самое важное, что характеризовало его, благодаря чему он остаётся таким захватывающим и живым, это то, что указано в книге «Bordiga: la passion du communisme»: его уверенность в революции, в коммунизме, выраженная пророчески. Человечество революционными скачками продвигается к коммунизму по его словам. Эта эволюция является работой миллионов, нащупывающих свой путь и, иногда, совершающих просветлённые скачки путём крупных революционных взрывов. Он сравнивал всю человеческую историю с огромной рекой огороженной двумя дамбами, справа социальным консерватизмом, по которому марширует распевая гимны официальной классовой лжи толпа священников и жандармов, слева парад реформизма людей посвятивших себя народу, бизнесменов оппортунизма, прогрессистов. Обе банды оскорбляют друг друга с разных берегов, в то же время полностью соглашаясь, что река должна оставаться в русле. Но необъятный поток человеческой истории также чреват безудержным и грозным разбуханием и, иногда, переполняя извилины, он затапливает обе дамбы с их несчастными бандами в импульсивном и неодолимом паводке революции, сбрасывающей все старые формы и придающей новое лицо обществу.

Несмотря на все работы о русской революции и о советском обществе, мы считаем, что изучение этих феноменов не просто не закончено, но что оно даже не начиналось, потому что от общего внимания ушли два основных вопроса: об общине и о разделении КСП на периоды формального и реального господства капитала. Множество других вопросов берёт начало из этих двух вопросов, поэтому мы просто отметим, что наша цель не в том, чтобы рассмотреть русский вопрос в деталях, а в том, чтобы возобновить дебаты о нём путём интеграции работы Бордиги.

Русская революция могла и должна была стать прологом к последней революции нашего вида, в соответствии с взглядами тех, кого мы называем исторической партией. Вот почему она захватывает и призывает к изучению, не сама по себе, но как долгожданный момент, который должен был произойти (Бордига). Коммунистическая революция нашла конкретное воплощение, когда произошла в регионе, где был всё ещё жив коммунитарный феномен, показав этим, что коммунистическая революция не является решением лишь для классового общества. Она расширила горизонты западных революционеров, которые считали, что истинное будущее должно было произойти в их странах и думали о человеческом будущем как о функции движения в их области, в их цивилизации. До русской революции было сосуществование двух миров. В одном частная собственность, индивид, классы и меновая стоимость стали самостоятельными; в другом человек всё ещё был целью производства, а прогресс ещё только должен был прийти. Как могли объединиться эти два человечества? – одно, проходящее через ад классового общества, а другое всё ещё находящееся в рамках своей общинности. Маркс задавал этот вопрос в 1858-м и всё ещё не имел на него ответа:

"Трудный вопрос для нас следующий: на континенте надвигается революция, и она сразу же примет социалистический характер. Разве она не обречена на поражение в этом маленьком уголке, если учесть, что есть ещё большая территория, где буржуазное движение только начинает подниматься?" (К. Маркс Ф.Энгельсу, 08.10.1858)

Он всё ещё считал, что все народы должны пройти через буржуазную и капиталистическую стадию. Он не думал о возможности скачка. Именно во время изучения России он обнаружил, благодаря русским революционерам, решение, которое должно было повлиять на необходимое и жизненно важное обобщение нашей общей судьбы, подразумевающее также примирение народов на разных стадиях их развития, которое вовсе не должно было быть аксиоматическим.

Он мог понять проблему революции в России, потому что он уже размышлял над вопросом общины. Он столкнулся с ним на основе классистского подхода, потому что, хотя на Западе во времена Маркса и оставались живые осколки общин (около Трира в Германии, на Корсике и в Испании), это исследование не должно было основываться на них. А это был центральный вопрос коммунизма, Маркс уже упоминал об этом в работе «К критике гегелевской философии права», где он утверждал, что истинным преодолением государства может быть только общность (*Gemeinwesen*¹²), что чётко прозвучало также в работе «К еврейскому вопросу». В «Рукописях 1844 года», он писал, что общность нельзя противопоставлять индивиду, а в статье «Против Короля Пруссии и социальной реформы Руге», он писал, что человеческое бытие является истинным *Gemeinwesen* человека. Однако, возможно самое замечательное указание на *Gemeinwesen* и коммунизм, при котором индивиды являются социальными людьми, а их человеческое бытие – это их *Gemeinwesen* находится в комментариях к книге Джеймса Милля (1844). Маркс не был бы способен признать революцию против государства в Парижской Коммуне 1871-го, которая реализовала очертания *Gemeinwesen*-человеческого бытия, если бы она не стала теоретическим преодолением, связанным с пробуждением пролетариата, класса, который должен упразднить все классы на исторической сцене. Это также объясняет, почему Энгельс говорил, что коммуну следует переводить старым немецким словом *Gemeinwesen*. Наконец, мы должны настаивать на том факте, что коммунизм нельзя определять как анархию по Марксу; подобно тому как "атеизм является окончательным признанием теизма, негативным признанием Бога", анархия является негативным признанием государства, последней стадией государства.

Однако анализ *Gemeinwesen* обрёл гораздо большую глубину в 1850-х, когда Маркс пытался осуществить работу о движении меновой стоимости и её преобразовании в капитал. Здесь ключевыми текстами были *Urtext* и часть *Grundrisse* под названием «Формы, предшествующие капиталистическому производству»:

"Если свободный труд и обмен этого свободного труда на деньги с целью воспроизведения этих денег и увеличения их стоимости, т. е. с той целью, чтобы свободный труд был использован деньгами в качестве потребительной стоимости не для личного потребления, а в качестве потребительной стоимости для денег, – если все это является предпосылкой наемного труда и одним из исторических условий капитала, то другой предпосылкой является здесь отделение свободного труда от объективных условий его осуществления – от средства труда и материала труда. Следовательно, прежде всего – отделение работника от земли как его природной лаборатории и в силу этого разложение как мелкой свободной земельной собственности, так и общей земельной собственности (*gemeinschaftlichen*), покоящейся на восточной общине (*Kommune*)".

Здесь становится ясно, что изучению подлежит деятельность человека с момента его отчуждения от природы, причём надо понимать, как эта деятельность становится внешней, автономной, превращаясь в угнетающую силу, разъедающую общность. Тогда философия, политика и религия предстают как толкования глубокого феномена: экспроприации человека. Так же, отталкиваясь от этого анализа, можно избавиться от жёсткости и ограниченности формулы Манифеста коммунистической партии, что "История общества является историей классовой борьбы", формула, которую не упраздняет даже примечание Энгельса. Жёсткую схему 1859-го следует корректировать поздними работами Маркса. Классы могут развиваться только с уничтожением общности. Они подавляются в той мере, в какой существует общность. Без классового общества может быть разделение труда. Кастовое общество выражает лишь неспособность данного общества породить классы, что вовсе не означает, что класс был необходимостью, и что каста была его предшественником. Это два вида человеческой организации в двух очень различных социальных формах.

Мы можем, как это сделал Маркс, провести следующую периодизацию, принимая в расчёт движение стоимости и её предпосылки. Первичная формация, включавшая все формы, при которых общинная собственность на землю была основой общества, его фундаментом. То, что называют примитивным коммунизмом, является очень старой первой формой, которая возможно была продуктом эволюции человека от стадии *Australanthropos* (свыше миллиона лет назад) к *Homo sapiens*. Это подразумевает идею биологической эволюции, параллельной социально-технической эволюции. Так примитивный коммунизм был поведением человеческого вида, когда существовал непосредственный союз между компонентами общины и их естественным окружением. Это социальная форма, при которой движение стоимости только должно начаться, при которой разделение труда, труд, система обмена (состоящая из серии взаимных даров, более или менее дифференцированных и т.о. гарантирующих обращение продуктов и мешающих процессу, ведущему к неравенству), являются всё ещё нефрагментированной тотальностью. В частности, как говорил Маркс, индивид ещё не был работником.

Позже движение меновой стоимости прививается к предыдущим структурам и автономизируется. Отсюда мы получаем формы, которые Маркс называл азиатскими, потому что он обнаружил их, или, по крайней мере, их признаки, на этом огромном континенте. В «Формах, предшествующих капиталистическому производству» он отмечает, что:

"Раз люди, в конце концов, становятся оседлыми, то уже от различных внешних (климатических, географических, физических и т. д.) условий, а также от природных задатков людей (от их племенного характера) будет зависеть, в какой степени эта первоначальная общность (*Gemeinschaft*) будет видоизменена".

Очень важно, что Маркс говорил об азиатских формах, а не об азиатской форме. Можно предпринять изучение коммунитарных форм всё ещё существующих в Африке, обладающих определённым сходством с азиатскими формами, на данной основе. Это бы также показало их оригинальный характер, т.о. завершая труд Маркса, который не предпринимал работы над Африкой, кроме нескольких записей об Алжире, сделанных в 1882-м. Как бы то ни было,

здесь для нас важно показать, что у наибольшей части человечества не было истории классовой борьбы, хотя это не означает, что в них не было борьбы между человеческими группами. Маркс говорит, что война была основной производительной деятельностью общин. С другой стороны, общины существовали долгое время даже в обществах, уже ставших классовыми и, возможно, сдерживали классовую борьбу.

Маркс рассматривал определённое количество форм внутри первичной формации, но азиатский способ производства не мог быть включен сюда. Это особенная азиатская форма, которая, следуя за очень специфическими географическими условиями, правильно указанными Виттфогелем (он называл общество, обусловленное этими условиями гидравлическим обществом), получила своё, уникальное развитие. С другой стороны, знаменитый азиатский застой вовсе не означает, что этот континент не мог породить важные технологии, науку и искусство. Определённое развитие производительных сил было возможно; однако, оно всегда достигало бы предела: неспособности обретения самостоятельности индивидами и классами, т.е. меновая стоимость не могла автономизироваться, и этих двух фундаментальных для рождения капитала условий не существовало. Не был реализован скачок производительных сил. Азия пережила великие периоды расцвета, когда она достигала точек, с которых мог быть сделан этот скачок. Складывались все основные условия для возникновения КСП как на Западе, кроме одного: перерезания пуповины общности (Маркс).

Вторичная формация перегруппировала все формы, основанные на частной собственности, подразумевавшей существование индивидов (человек, подчинённый обмену, как Маркс говорит в Urtext) а значит и классов. Так мы получили рабство или античный способ производства (древняя форма), феодальную форму, или феодальный способ производства, азиатский способ производства, при котором частная собственность, если она существовала, не позволяла индивидам стать самостоятельными, поскольку люди зависели от высшего единства: всеобщего рабства. Фактически, реальная частная собственность существовала только на уровне всеобъемлющего единства (*zusammenfassende Einheit*).

Третичная формация – это капиталистическая форма или капиталистический способ производства. Он основан уже не на собственности трудящегося человека, но на чужом труде (ср. инверсию, о которой говорится в Манифесте коммунистической партии, *Grundrisse*, и I томе Капитале, 24 глава). На уровне капитала объединяются два движения: экспроприация человека, появление пролетариата и автономизация стоимости. Капитал занял место денежных обменов в уничтожении старой общности, и с этой новой основы установился в качестве материальной общности, а затем и фиктивной, при реальном господстве капитала. Так капитал разрешает старые противоречия, по-своему появившиеся во время зарождения стоимости в архаичных общинах. Вот почему он устанавливается в качестве вечной структуры, как позитивно, так и в качестве спекулятивного субъекта, что позволяет ему превращать все движения отрицания в его собственное утверждение.

Коммунистическая революция уже не может действовать на прежней почве, на почве, полностью занятой и развиваемой капиталом, т.е. на территории роста производительных сил. Речь идёт о новом *Gemeinwesen*, которое стало бы человеческим бытием. Отсюда, очевидная необходимость для самого радикального разрыва с любой деятельностью или поведением, обладающим связью с прежними революциями, особенно с русской революцией. Кроме того, здесь мы видим, как два разных исследования Маркса пересекаются в одном утверждении, хотя они осуществлялись в разные периоды его жизни.

Маркс так характеризовал общины (в первую очередь в славянском регионе) в «Формах предшествующих капиталистическому производству»:

"...мелкие общины (*Gemeinden*) влчат жалкое существование независимо друг около друга, а в самой общине отдельный человек трудится со своей семьёй независимо от других на отведенном для него наделе", и это отличает их от азиатского способа производства, при

котором над самодостаточными общинами, как в предыдущем случае, доминирует, надо подчеркнуть это, высшее единство, как реальный землевладелец. Мелкие общины являются лишь держателями.

Маркс даёт некоторые пояснения в черновиках своего письма к Засулич:

"Все другие общины покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Их структура есть структура генеалогического древа. «Земледельческая община» была первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами".

Ещё одной её характеристикой является дуализм. Там присутствует коллективный элемент и индивидуальный элемент, так что индивидуальность может развиваться (индивид может обрести самостоятельность).

"Понятно, что дуализм, свойственный строю земледельческой общины, может служить для неё источником большой жизненной силы. Освобождённая от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из неё вытекающих, и в то же время дом и двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, несовместимому с организмом более древних общин".

Теперь мы видим, что для Маркса, перемена к коммунизму могла быть реализована, только если человек был освобождён как в общности, так и в индивидуальности. Сведение коммунизма к обществу, в котором освобождено общество, а индивид живёт только в нём, т.е. не освобождается, происходит из видения казарменного коммунизма, о котором писал Энгельс в своей полемике с Ткачёвым. С другой стороны, Чернышевский хотел спасти общину, потому что через неё можно было достичь этих двух тесно связанных освобождений. Маркс нашёл решение для вопроса, который он ставил в 1858-м, в Чернышевском и русских народниках.

Дуализм сделал возможными два вида эволюции, надо подчеркнуть, что разложение общины не было фатальной предрешённостью:

"Её врождённый дуализм допускает альтернативу: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Всё зависит от исторической среды, в которой она находится".

В любом случае:

"Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция".

Вопрос о славянском государстве не был проанализирован ни в этом тексте, ни в «Формах, предшествовавших капиталистическому производству». Однако, в последней работе Маркс указывал на отношения между *Gemeinwesen* и государством. Во вторичной формации, с частной собственностью, присутствует разделение между государственной и общинной собственностью, и именно государство становится представителем *Gemeinwesen*. Так в Афинах была рождена политика, чьей сущностью было представительство. Но государство могло равным образом зародиться и без классов, например, у инков, как это показывал Маркс. В этом случае складывалась иерархическая община. Государство, плод преобразования *Gemeinwesen*, обладало фундаментальной ролью в защите последнего, гарантируя ему продолжительность на всех уровнях. Существовало биологическое разделение труда: государство играло роль социального мозга. Общество, ставшее результатом подобной организации, было больше животного, чем человеческого типа, это было общество, в котором вид стал деспотом и уничтожил все человеческие индивидуальные частицы. В этом человеку не удалось полностью порвать связь с природой и создать разрыв в целостности: он был поглощён ей.

Не таким был случай в России, хотя государство здесь властвовало над мелкими общинами, чему помогала их изоляция, из-за которой они были уязвимыми. С другой стороны:

"Объединение северных русских республик доказывает, что эта изоляция, которая первоначально вызвана была, по-видимому, обширным протяжением территории, была в значи-

тельной степени закреплена политическими судьбами, пережитыми Россией со времён монгольского нашествия".

Маркс долго настаивал на этом вопросе (он также упоминал разрушение Новгорода москвичами в «Тайной дипломатической истории восемнадцатого века», сборнике статей о России и поддерживавшей её английской дипломатии). Государство в России в первую очередь оправдывало себя ролью защиты против других общин и, позже, против других государств: защитником был царь. Огромное значение военного вопроса в судьбе России было прямо связано с её социальной структурой: для того, чтобы поддерживать своё существование, государство требовало, чтобы аграрные общины не росли. Отсюда деспотизм над обществом: государство оправдывало своё существование территориальной экспансией, эта русская экспансия была постоянной на протяжении шестнадцатого века, с тех пор Россия продолжала расти, и этот дух экспансии не уменьшался вплоть до нашего времени. Характер защитника также создал огромную инерцию в крестьянских массах, и некоторые народники отмечали, что крупные крестьянские восстания могли происходить только через узурпацию (нечто вроде оправдания), что также заставляло их вести себя как узурпаторов.

В любом случае определяющим фактором было внешнее происхождение государства, и то, что внешние условия явно способствовали его прививанию к социальному телу. Отсюда замечание Маркса:

"Жизни русской общины угрожает не историческая неизбежность, не теория, а угнетение государством и эксплуатация проникшими в неё капиталистами, взращёнными за счёт крестьян тем же государством".

Это, повторим, отлично понимали народники. Но перед тем, как затронуть отношение государства к общине, выведем некоторые предыдущие обстоятельства. Для того чтобы спасти общину и избежать мерзостей КСП в России, требовалась революция. Ясно, что в стране, населённой в основном крестьянами, они должны были сыграть огромную революционную роль. Поэтому нельзя использовать тексты Маркса о французских крестьянах для того, чтобы понять русский феномен. Это не означает, что русские крестьяне были реальным классом, сравнимым с пролетариатом. Их единство было основано на том факте, что они сохраняли свою прошлую форму, необходимую для будущего развития, для возрождения общечеловеческой коммуны. Они сильно отличались, в этом смысле, от пролетариев, как носителей будущего, порвавших с прошлым, которое было фактически экспроприровано у них. Таков был случай революции с внеклассовыми измерениями в России. Классовые характеристики были применимы к ней из-за международного контекста, когда стало ясно, что после 1880-го, русская революция могла победить только, если бы её поддержала пролетарская революция на Западе. Но Маркс не отрицал чётко и прямо возможности, что Россия сама могла совершить революцию, используя технические достижения Запада. Это ещё одна существенная характеристика черников письма к Засулич:

"(...) одновременное существование западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья".

Такова была перспектива Чернышевского.

С другой стороны, в случае общей победы революции в России и на Западе, можно было бы говорить о диктатуре пролетариата. Но хорошо ли этот термин был бы приспособлен к реальной России, особенно если революция должна была победить только там, и запаздывала бы на Западе? Можно ли было бы говорить о диктатуре пролетариата во время этой задержки? Эти вопросы также зависели от исторических обстоятельств (формула Ленина; демократическая диктатура пролетариата и крестьянства вполне совпадала с формулами Маркса и народников). Но эти вопросы не были полностью изучены в отношении аграрной коммуны и не обладали значением для марксистов конца девятнадцатого века.

В отношении государства (государство сильнее, чем общество, как говорил Виттфогель), народники понимали его особенности, как это показывают цитаты Плеханова в наших различиях:

"(Государство) не воплощает интересов какого-либо сословия (...) В нашей стране (...) напротив, наша социальная форма обязана своим существованием государству, висящему, так сказать, в воздухе, государству, которое не имеет ничего общего с существующим социальным порядком, чьи корни находятся в прошлом, а не в настоящем".

Это из Ткачёва, который, даже не будучи народником – его считали якобинцем, так же как они¹³, оценивал общину и государство. Но народники отмечали, что власть государства не просто висела в воздухе, потому что, помимо прочего, она покоилась на культе царя, глубоко укоренённом в крестьянстве. Ткачёв был прав в другом. Крепостное право было введено царём, и наёмный труд был введён им же. Милюков был также неправ, когда отмечал, что если классы порождают государство на Западе, в России государство производит классы. Отсюда постоянная озабоченность народников: уничтожение государства. Вот почему они всегда хотели уничтожить царя:

"Действительно ответственный человек – это царь; русская история показывает это. Именно цари веками тщательно выстраивали организацию государства и армии; именно они раздавали землю дворянам. Подумайте об этом, братья, и вы увидите, что царь – это первый из дворян". (Каракозов, цит. по Вентури, стр. 608)¹⁴.

Здесь они согласны и с Марксом и с анархистами. Довольно любопытно, что объяснение Бордиги совпадает с аналитической схемой народников, когда он отмечает, что в СССР доминировал не местный, а международный класс; что советское государство было лишь деспотической организацией на службе у последнего.

Значимость государства объясняет также две фундаментальные черты русских революционеров: их яростную волю к уничтожению государства и мобилизации крестьян, и особый фатализм, который вёл их к сотрудничеству с властями после периода экзальтации. Фатализм и волонтаризм часто взаимосвязаны, к тому же это происходило при режиме царского деспотизма.

Энгельс не полностью поддерживал позиции Маркса, в частности, о скачке через КСП, и был уверен к концу своей жизни, что меновая стоимость развилась также и в России, и что страна была обречена на капитализм. Так он открыл дверь Плеханову и Ленину.

Следует отметить, что в десятилетие 1890-1900, когда умер Энгельс, а Ленин написал свои первые работы, сложилась особенная ситуация. Аграрная община была фрагментирована, но КСП ещё не установился полностью. Это создало проблемы для народников, которых сменили марксисты, заявлявшие, что скачок через КСП был невозможен (Плеханов). Именно у него появилась первостепенная роль пролетариата в русской революции в следующем тезисе:

"В заключение, я повторяю – и я настаиваю на этом важном пункте; Русское революционное движение восторжествует как движение рабочего класса, или оно никогда не восторжествует!"

Позиция Плеханова по этому вопросу определила развитие русского марксизма, Ленин посвятил всю свою деятельность в молодости борьбе против народников. В целом он утверждал, что к Марксу нельзя обращаться в связи с развитием России, потому что он не изучал эту тему глубоко. Он цитировал письмо Маркса к Михайловскому:

"Итак, Маркс говорит, что г. Михайловский не имел права видеть в нем противника идеи об особом развитии России, потому что он с уважением относится и к тем, кто стоит за эту идею, – а г. Кривенко перетолковывает так, будто Маркс «признавал» это особое развитие. Прямое перевираание. Цитированное заявление Маркса совершенно ясно показывает, что он уклоняется от ответа по существу (...) Маркс в этом же «письме» прямо дал ответ на вопрос, какое приложение может иметь его теория к России. Ответ этот с особенной наглядностью

показывает, что Маркс уклоняется от ответа по существу, от разбора русских данных, которые одни только и могут решить вопрос". (В.И. Ленин, ПСС, т. 1, стр. 288-289)

Нет ничего более неверного. Маркс очень внимательно изучал русскую социальную эволюцию, он даже учил русский для этого. Более того, это изучение должно было стать фундаментальным (так же, как и изучение аграрной культуры США) для того, чтобы объяснить, как произошёл переход от земельной собственности к капиталу. По США он изучал теорию Уэйкфилда в «Капитале», объясняя её значимость в Grundrisse. По России он изучал обширный материал, но всё, что он сделал, осталось неопубликованным.

Ленин выказал свою теоретическую твердолобость, которую можно также назвать его односторонностью, уже в борьбе против народников. Он отказывался принимать во внимание особенности уникального развития России в корректной, полной и конкретной манере. Позже он даже отрицал в споре с т.н. левыми коммунистами, например, с Гёртером, что на Западе была особая эволюция и тот факт, что российскую схему нельзя переносить туда, что тактика и стратегия там должны были быть иными.

Так, возвращаясь к полемике с народниками, Ленин отстаивал лишь вторую возможность эволюции, обозначенную Марксом:

«(...) Маркс говорит, что 'если Россия стремится стать нацией капиталистической', ей бы пришлось 'преобразовать... добрую долю своих крестьян в пролетариев'». (В.И. Ленин, ПСС, т. 1, стр. 289)

Эта мысль превращается в уверенность в «Развитии капитализма в России», усиливая предыдущий вывод:

" (...) – тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведёт РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ". (там же, стр.311-312)

Тем не менее, крестьянские бунты 1902-го, формирование партии эсеров (компромисс между народничеством и марксизмом, отмечающий собой отлив народнического движения, защищающего общину¹⁵), сильно повлияли на эволюцию мысли Ленина. Отсюда он уже открыто утверждал необходимость «Революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» (статья, написанная в марте 1905 г.). Он уточнил, поддержал и основал эту концепцию в «Двух тактиках социал-демократии в демократической революции» (1905) и особенно в «Аграрной программе социал-демократии в первой русской революции 1905-07». Здесь происходит разрыв в позиции Ленина с его ранними работами (Бордига не придавал большого значения этому частному моменту и обходил его стороной; с одной стороны его не интересовало «Развитие капитализма в России», с другой он особенно концентрировал своё внимание на преемственности между «Двумя тактиками...» и «Апрельскими тезисами», что было правильно, но недостаточно). Ленин признал, что переоценил степень развития капитализма в сельском хозяйстве, но, в то же время, перед Россией всё ещё оставалась одна дорога: дорога к буржуазному развитию. Однако, для него требовалась была аграрная революция:

" Только крестьянская революция могла бы быстро заменить Россию деревянную Россией железной ". (В.И. Ленин, ПСС, т. 16, стр. 423)

Ленин признавал за крестьянами их собственную революционную роль и не считал их просто массой для манипуляций. Отсюда лозунг о революционной диктатуре пролетариата и крестьянства принял новое направление: утверждение двух основных классов для революционной России. Отталкиваясь от этого факта, Ленин, посвятивший большое количество работ аграрному вопросу, тщательно отслеживал формирование социальных отношений в сельском хозяйстве и, таким образом, реально вернулся к Марксу (этот вопрос был определяющим для России, как национальный вопрос для Германии). Так произошёл разрыв в оценке роли крестьянства после революции 1905-го. С тех пор оно сильно поляризовалось, со всех сторон, в

отношении вопроса организации. Идеологические дебаты происходили по отношению к этому вопросу, который был лишь следствием принятия позиций по фундаментальным идеям революции. Так, после 1905-го, легальные марксисты явно соскользнули в клику тех, кто не только мечтал о капитализме, как сказал Маркс, но и посвящали всю свою деятельность буржуазной революции западного типа. С другой стороны, Ленин понимал (возможно, полностью) значимость крестьянского феномена в России, в то время как Троцкий рассматривал крестьян, как войска для революции и не понимал (или понял лишь в 1917-м, как говорил Бордига), что речь шла о том, чтобы совершить в русской революции буржуазную революцию в пролетарской манере, даже если пролетариат стал лидирующей силой (это было теоретически верно с момента, когда возможность скачка через КСП казалась уничтоженной).

" Наша задача одна: спланировать пролетариат для социалистической революции, поддерживать всякую борьбу со старым порядком в возможно более решительной форме, отстаивать наилучшие возможные условия для пролетариата в развивающемся буржуазном обществе ". (там же, стр.447)

С момента признания распада общины и даже его необходимости (как хотел Ленин), был поднят вопрос о том, как должны развиваться производительные силы: как будет развиваться капитал на этой необъятной территории. Вопрос стоял не о том, как перескочить капитализм, но как развить его. Второй том «Капитала» должен был стать ориентиром, и полемика шла о том, как мог в России быть сформирован внутренний рынок и не придётся ли капиталу обращаться к внешним рынкам для реализации прибавочной стоимости. Струве, Туган-Барановский, Ленин, а также Роза Люксембург, среди прочих, приняли участие в этой полемике. Маркса толковали в буквальной и непосредственной манере. Третий отдел второго тома «Капитала», ни в коем случае не подразумевал, что капитализм может развиваться всегда или что он должен был развиваться в соответствии со схемами простого и расширенного воспроизводства (не подразумевал он и обратного). Маркс изучал условия воспроизводства капитала и возможности кризиса и показывал трудности, с которыми сталкивается капитал в осуществлении своего процесса: например, неравновесие между двумя секторами, перепроизводство постоянного капитала, сверхбыстрое сужение или экспансию в периоде оборота. Он также изучал фундаментальные условия для преодоления этих трудностей: создание кредитной системы. II том является демонстрацией необходимости этой системы (которую Хильфердинг осознавал в «Финансовом капитале», но не знал как вывести её последствия). Маркс изучал возможности развития капитала, но только в III томе он подошёл к конкретным, т.е. действующим формам. Здесь он также подошёл к порогу разрешения проблемы способа, которым капитал может поглощать свои противоречия и достичь вечности: в форме фиктивного капитала. Такое развитие могло произойти только при повсеместном распространении кредитного капитала во всех его формах.

Это изучение воспроизводства капитала также указывает, на какой точке развитие русской социал-демократии было связано с развитием западной: на какой точке русские дали новый импульс теоретическим дебатам во Втором Интернационале, хотя их позиция и утратила глубину в сравнении с народниками, с которыми Маркс соглашался, после того, как они оставили перспективу скачка.

Работа Маркса претерпела существенные изменения с тех пор. Её впили в рамки теории развития и роста, систематизированной под названием «марксизм». Всё архаичное и азиатское должно было быть уничтожено в одной огромной империи (учитывая воздействие революционного потока на периферийные страны, он принял глобальное значение), а капиталистической форме следовало дать возможность процветать, и «Капитал» Маркса использовали для объяснения этих процессов. Теперь позиции народников считались пережитками прошлого, становившимися всё более реакционными с каждым днём. Их непримиримые анти-деспотичные и антицаристские позиции замалчивались. Так была подготовлена почва для при-

мирения интеллигенции с капиталом, который раньше было принято считать преисподней. Троцкий писал в статье, посвящённой 25-летию «Neue Zeit» (1908) что марксистская доктрина послужила делу примирения русской интеллигенции с капиталистическим развитием. Вот почему Грамши, который осознавал лишь часть феномена: его пришествие, и который возможно не знал позиций Маркса по России, написал в 1917-м, что русская революция одержала триумф вопреки «Капиталу» К.Маркса. Он был неправ, но он сказал правду.

Марксизм, как теория роста, созданная легальным марксизмом (и, в какой-то мере, легальным народничеством), принятая тогда меньшевиками, был принят также и большевиками. Он получил мощное развитие в полемике между Бухариным и Преображенским о социалистическом накоплении, потом укрепил свои доминирующие позиции после дебатов об экономическом росте в таких государствах, как Китай, Индия, Куба и Алжир после революций в этих странах или обретения независимости, в такой степени, что добился господства на фабриках и в университетах. Фактически, достаточно обратиться к утверждениям Троцкого, например, в «Преданной революции»¹⁶, но также присущим Ленину: социализм позволит производству расти и покажет своё превосходство над капитализмом. Доходило вплоть до того, что сам рост производительных сил считали социализмом: сталинизм, хрущевизм, троцкизм. Так, можно убедиться, что теория о коммунизме, соревнующемся с капитализмом, которая присутствовала у Ленина в виде почки, расцвела у Троцкого. Именно ирония соревнования позволила Ростову вывести теорию роста, теологию развития, когда он хотел написать анти-манифест («Этапы экономического роста»). Комическое совпадение!

Эта теория роста, исторический материализм, не была исключительно русским продуктом. В Италии её защищал Антонио Лабриола в «Материалистической концепции истории». Он постулировал первичное значение экономических фактов, материальных фактов вообще, научное видение, объединённое с прославлением пролетариата и экзальтацией его диктатуры. В целом, в начале века лучше всего была выражена идеология пролетариата, который должен был стать правящим классом. Пролетариат должен был управлять мировым экономическим процессом, но через экономические организации. Сорель замечательно объяснил это в «Материале к теории пролетариата», и особенно в «Упадке античного мира»:

"Пролетариат не желает вновь идти под любое ярмо, он презирает сухие теории буржуазной революционной логики, он выстраивает свой собственный организм и восстаёт против старой классовой организации. Именно потому, что он один создал всё, своим трудом, он может попытаться рассеять силы государства, передав профсоюзам всю общественную администрацию".

"Социализм возвращается к античной мысли; но воин города стал рабочим крупной промышленности, оружие сменилось станками. Социализм – это философия производителей: таково учение Евангелия для нищих".

Сегодня прославляют не экономические организации, а производственный аппарат. Самые современные социалисты – самые рациональные в выражении интеграции рабочего класса, интериоризации господства капитала, как это показывает Серж Мале в своей статье «Исчезнет ли рабочий класс»?

«Если под 'революционным' сознанием, в классическом смысле слова, подразумевать волю к захвату политической власти любыми средствами и любой ценой, чтобы лишь позже организовать общество в новой манере, неоспоримым фактом является то, что новый рабочий класс более не является революционным. Он не является революционным в данных условиях, потому что ставит предварительное условие для преобразования существующих структур. Этого не следует делать ценой разрушения производственного аппарата, или даже его серьёзного уменьшения – 'Машина слишком дорога, чтобы разбивать её'».

Каутский думал то же самое в 1919-м: не надо играть с деньгами! Теперь, после мая 1968-го, чем является революция для многих? В своём предисловии к Сорелю, Берг переплюнул его, заключив:

"Город может быть перестроен на основе труда, играющего роль, которую в героическом городе прошлого играла война. Герой античности, средневековые святые и современный гражданин должны быть преодолены в социальном работнике".

Сорель даже предложил этику, почерпнутую им у Маркса:

"Я уже говорил, что для того, чтобы критически анализировать наше сознание, мы должны восстановить статус машин. К. Маркс, который так хорошо понимал значение промышленного оборудования, не мог не искать основной принцип этики в человеческом феномене, развившемся вокруг машины".

Здесь мы очень отделились от выраженного Марксом требования упразднения пролетариата! Революционное движение в начале века стремилось к превращению развивавшегося пролетариата в правящий класс на основе экономических организаций, что в то же время подразумевает невозможность диктатуры пролетариата как длительного пост-революционного периода.

Карл Корш, в «Марксизме и философии», задавал вопрос, не был ли марксизм, как продукт революции неадекватным для контрреволюционного периода и критиковал Каутского, заявлявшего, что тексты вроде «Обращения» 1864 года и 'Введения' к Классовой борьбе во Франции (1895) позволяли «'расширить'» его до «'теории, ценной не только для революционных, но также для неревolutionных периодов'». В противовес ему он утверждал:

«'Марксизм', формально принятый рабочим движением, был с самого начала не настоящей «теорией», смысле некоего общего выражения мысли, он стал ни чем иным, как выражением 'реального исторического движения' (К.Маркс)»,

и:

«...последующий практический прогресс пролетариата остался позади, так сказать, своей собственной теорией...»

Это 'несовпадение' очень ясно проявилось в Социал-демократической партии Германии. Эти замечания очень интересны в отношении России. С конца последнего века, вслед за поражением «Земли и Воли» и «Народной воли» и снижением количества крестьянских бунтов, при определённом росте рабочего движения, старая перспектива скачка через КСП казалась абсолютно невозможной. Как мог действовать пролетариат, как он мог присоединиться к революционному движению в России и Европе? Здесь мы должны добавить к анализу Корша концепцию представительства и сказать, что, благодаря Марксу, пролетариат мог получить конкретное представительство в общем производственном процессе. В марксизме он обрёл самовосхваление и оправдание для своих посреднических действий. Иными словами, теория, выражающая движение рабочего класса во время его атаки на капитал, превратилась в идеологию. Работа Маркса стала марксизмом после уничтожения народнических течений. Это также полностью касается Запада. Контрреволюционный период и развитие КСП (при отсутствии катастрофического кризиса) ставит под вопрос ценность действий пролетариата и его интегрированность в КСП. Как пролетариат может представлять своё развитие внутри общества и одновременно (в начале, до своей интеграции в общество) продолжать бороться за свою конечную цель? На деле, пролетариат быстро растворился в посредническом движении, которое должно было помочь ему прийти к коммунизму: в развитии производительных сил, а следовательно, капитала. Комментарий Плеханова в его эссе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» весьма ясно объясняет одновременные преобразования в России и на Западе и их взаимодействие:

«Здесь мне на ум приходит деятельность социал-демократов. Они сделали вклад в прогресс капитализма, подавляющего устаревшие производительные формы, такие как сельское

хозяйство. Бебель очень хорошо резюмировал отношение западной социал-демократии к капитализму на съезде в Бреслау в 1895 г. 'Я всегда задаюсь вопросом, в отношении любых мер, не вредят ли они прогрессу капитализма. Если да, то я против них'».

Коммунизм как движение и теория требовал уничтожения пролетариата. Теперь, в контрреволюционный период, пролетариат пришёл к численному и организационному росту и смог сопротивляться. Однако это не обязательно было дурным знаком и могло, на определённый период, позволить ожидать и даже ускорять движение возвращения к революции, до такой степени, что окончательная цель максимальной программы не была уже скрытой. Но это явно стало основой начала оправдания интеграции пролетариата в капиталистическое общество. Такая интеграция была возможной только в период формального господства капитала над обществом, в то время как пролетариат был всё ещё поглощён производительным процессом, он всё ещё имел отдушину в свободном времени после работы.

Теория – это движение. От движения отделяется идеология, которая становится самостоятельной и обладает собственным движением в сфере представительства. Вслед за своим отделением от бытия (пролетариат), она становится вещью (овеществление теории), которую можно передавать. Импорт марксизма в пролетариат стал ответом Ленину в «Что делать?»

Ещё одним компонентом идеологизирования является приятие науки, позитивизм и импорт классического буржуазного материализма, который оказал значительное влияние на Ленина, как это продемонстрировал Корш. Но Запад также не обошла эта болезнь, и произошло взаимное заражение. Каутский в «Этике и материалистическом понимании истории» (1906) превратил марксизм в социал-дарвинизм. Также критика Ленина, например, Паннекуком, развивала явно неопозитивистскую, а не коммунистическую позицию, последовательно соответствующую Марксу. Следует отметить важную роль, которую Маркс придавал науке, как идеологии, а не как производительной силе. Позитивизм особенно очевиден в т.н. развивающихся странах. Бразилия была буквально одержима им в начале века. Культ науки и прогресса смог заменить собой старые религиозные концепции, которые были настоящим тормозом для развития капитализма.

Культ науки, с сопутствующей ему иллюзией, что над ней и над техникой можно доминировать (ср. то, что Ленин написал о тейлоризме, и то, что Бордига, защищая Ленина, позволил правящей идеологии поглотить себя), в конечном итоге кульминировался в культе рациональности, претендуя на дисциплинирование производительных сил и господство над природой – все корреляты идеологии роста. Одно из первых проявлений науки манипулирования людьми произошло в России в то же время: теория Павлова об условных или приобретённых рефлексах (не случайно она появилась именно в СССР). Эта наука сильно разрослась, как это показывает Солженицын в «Первом круге», через различные психиатрические места заключения, постоянно использовавшие её. Ещё один аспект утопии капитала, описанный Замятиным в 1920-м, имел тенденцию к реализации в СССР: дрессировка людей, для того чтобы удалить из них воображение. Оно становится собственностью капитала, организующей людей. Следует отметить, что «Мы» стала точкой отсчёта научной фантастики этого типа, описывающей рациональный деспотизм обществ, реализующих утопию капитала. Почти тридцать лет спустя, «1984» Оруэлла, рождённый вслед за очередным социальным поражением, эхом отобразил это будущее несчастье.

Стремительное развитие позитивизма и материализма, как составляющих частей капитализма, привело к оживлению религии. В России всегда были религиозные секты, противостоявшие авторитарной власти. Народники объединялись с раскольниками несколько раз для того, чтобы усилить свою борьбу против царизма. В настоящий момент религия является проявлением человеческого противостояния против капитала, потому что Бог является продуктом человека. Благодаря ему человек всё ещё может спасти своё бытие от зловещей хватки капитала. Религия в России и народных демократических республиках сохранила свою старую

роль в борьбе против привитого капитала. То же самое касается Латинской Америки, в то время как в Европе и США значением обладает именно второй аспект. Бог, который хочет всё большего и большего обладает лицом Фейербаха.

И всё же этого недостаточно для суждения о социальных преобразованиях в России начала века. Для того чтобы обозначить мутацию, реальную или нет, мы должны вернуться к периодизации КСП, как мы это уже делали. Маркс различал формальное господство (или формальное подчинение труда капиталу) и реальное господство (или реальное подчинение труда капиталу) в непосредственном производительном процессе в «Капитале» т. I, 6 раздел, 14 глава, и особенно в VI неопубликованной главе «Капитала». Огромное различие между ними заключается в том факте, что в первом происходит производство абсолютной прибавочной стоимости, в то время как во втором происходит производство относительной прибавочной стоимости. Производство последней требует капитала для того, чтобы модифицировать старый рабочий процесс; вместо простого господства над ним, капитал должен заставлять его действовать в соответствии со своей собственной рациональной логикой. Рабочий процесс преобразуется в рабочий процесс капитала, в процесс капиталистического производства.

Это важно в отношении допотопных форм капитала, таких как капитал торговцев или ростовщиков. Маркс говорит о последнем:

"Но он не вмешивается в сам процесс производства, осуществляющийся в традиционной манере, как он это делал всегда".

Капитал не может стать самостоятельным. Он всегда зависит от милости политической власти или человеческого бунта. Маркс добавляет:

"Частично он процветает на увядании этого процесса производства, частично он является средством заставить его увядать, заставить его восполнить растительное существование в самых неблагоприятных условиях. Но здесь мы ещё не достигаем стадии формального подчинения труда капиталу".

Точно также, даже если труд подчинён капиталу в некоторых областях, его господство можно поставить под вопрос, В любом случае, в России кулак чаще всего фигурировал (его так описывали) как ростовщик, а не как капиталистический фермер. Кулак жил внутри общины и эксплуатировал её беднейшие элементы для своей выгоды. Он использовал деньги, но это был ещё не капитал, это была в лучшем случае третья форма денег, деньги как деньги, форма перехода к капиталу. Энгельс указывал на социальную форму кулака в своём письме к Даниэльсону:

"...кулаки также, насколько я знаю, в целом предпочитают сохранять крестьян в своих лапах как *sujet à exploitation* (предмет эксплуатации, прим. пер.), чем уничтожать их раз и навсегда и захватывать их землю. Вот, что поражает меня, русский крестьянин, не будучи востребованным в качестве рабочего для фабрики или города, всё равно еле выживает, проходит через большое количество убийственных процессов...".

Здесь Энгельс оказался пророком. Но Ленин слишком быстро уподобил кулака американскому фермеру, что позволило ему вывести теорию о двух видах эволюции для русского сельского хозяйства: прусском и американском (ср. «Аграрную программу социал-демократии»). Это капиталистическое толкование применялось также к нэпманам, которых считали настоящими капиталистами. Эти аналитические ошибки висели тяжёлым весом на развитии русской революции и советского крестьянства, превратившись в насилие и сельский террор. Знаменитая борьба с кулаком была попыткой ввести капиталистическое развитие силой, удалив препятствие ростовщичества (ср. Капитал т. III). Но это привело, как это видно из работы Бордиги, к реконструкции «мира»: сельского «мира», каким он был до революции, в которой растворился.

Иными словами, озабоченность Маркса и многих народников возможностью реального развития капитала в России была полностью оправдана. Аграрная структура в сочетании со специфическими географическими условиями стала препятствием для капитала.

Даже в том случае, когда капитал доминирует над производительным процессом (надо отметить, что в 1917-м многие петроградские рабочие поддерживали важные связи с деревней и что значит т.о. что они не были полностью пролетаризированы), его существование не гарантировано на социальном уровне. Его развитие уже обусловлено преобразованием старого процесса обращения капитала, объединявшего его с непосредственным производительным процессом, формируя глобальный производительный процесс капитала. Вот почему мы расширили концепции Маркса и подняли вопрос о формальном и реальном господстве капитала над обществом. Реальное господство достигается, когда преобразуются социальные предпосылки, когда их вводит сам капитал. Это происходит, когда капитал становится материальной общностью и завершает процесс антропоморфоза, навязывая себя в качестве фиктивной общности. Это не подразумевает, что осуществляется тотальное и абсолютное господство над людьми, означающее конец любой возможности бороться для людей.

Вот почему нам представляется совершенно неверным, когда говорят, что в России до 1917-го доминировал капиталистический способ производства. Когда говорят это, тогда надо также утверждать, что революция должна была быть коммунистической, потому что она реализовала бы коммунизм напрямую. Так победа большевиков полностью необъяснима для тех, кто защищает тезис о буржуазной революции, осуществлённой в пролетарской манере (избыточный рост, зависящий от Запада).

Ответ лежит в простом и чистом сокрытии сути действий большевиков и крестьянской проблемы. Иногда говорят, что КСП был в начале и в конце. Революции не было, вместо неё произошёл переворот, поддержанный в числе прочих большевиками. Их управленческие взгляды позволяли им поддерживать КСП. Однако логике здесь не отдаётся должное, потому что тогда следовало бы объявить большевиков реакционерами с самого начала и заявить, что революционное движение было возможно и необходимо. Но, нелогичным образом, некоторые признают, что демократические задачи были реализованы, когда КСП уже господствовал!

Если считать, что русская революция была буржуазной (и продолжать считать КСП доминирующим), надо немедленно пояснять, что именно политическая революция дала России государство, наиболее соответствующее современной экономической структуре. Это единственный способ избежать противоречия:

"Политическая душа революции, с другой стороны, состоит в тенденции классов, не обладающих политическим влиянием упразднить свою изолированность от государства и власти. Она обладает государственной точкой зрения на абстрактное целое, существующее только через отделённость от реальной жизни и немислимое без организованного противоречия между универсальной идеей о человеке и универсальным существованием человека. Отсюда, также, революция с политической душой, в соответствии с ограниченной и дихотомической природой этой души, организует правящий слой в обществе за счёт самого общества" (К.Маркс, Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа», М: ПСС, т.1, стр. 447, 1955).

Утверждение о необходимости революции, которая была бы только политической, позволило Троцкому придерживаться своей теории о перманентной революции. Поскольку если в России сохранялось нечто революционное и социалистическое, оставалось лишь завершить работу: отсюда перманентность революции. Но поддержка политической революции в СССР является поддержкой перманентности доминирующей сферы за счёт общества. Это вполне сочетается с блужданиями Троцкого, потому что подразумевает понимание общества на пути к коммунизму как буржуазного общества.

Фактически существовало формальное господство производительного процесса на уровне всего общества. Капитал ни в коем случае не упразднил старые предпосылки, в первую очередь, в сельском хозяйстве. Теперь мы можем говорить, что капитал не достиг реального господства в России, потому что ему пришлось добиваться господства в сельском хозяйстве, что подтверждает прогноз Маркса о том, что России неизбежно пришлось бы перейти от экспорта к импорту зерна после реформы 1861-го и что ей пришлось бы проходить через периодические кризисы¹⁷. Ясно, что давление американской конкуренции (латиноамериканские страны, но особенно США) сыграло свою роль в замораживании российского сельского хозяйства¹⁸.

Точно так же, когда Бордига определял Россию, как государство колхозных крестьян и мирового капитала, это объясняло продолжительную хрупкость КСП в СССР. Можно сказать, что колхозники сыграли роль ростовщиков в другой форме!

Это не исчерпывает нашего анализа судьбы российской общины. Оставалась ли она или не оставалась живой после 1917-го? Это сильно влияет на нашу оценку позиций большевиков. Сделаем небольшой крюк в нашем ответе, чтобы напомнить, что во всех революционных процессах присутствует два важных феномена, противоположных друг другу в определённой мере: феномен избыточного роста, к которому мы вернёмся, и повторное проявление противоречий, потрясений и конфликтов, забытых оттого, что их считали разрешёнными. Как показал Маркс, развитие меновой стоимости не разрешает, а интегрирует противоречия. Капитал продолжает функционировать схожим образом. Так, вслед за кризисом, нарушением равновесия или разрушением правящей системы, все противоречия могут возвращаться, просто в интегрированной манере. Вполне возможно, что старые человеческие типы поведения вернуться, особенно там, где приручение капиталом не приобрело исторического измерения. Это означает, что даже если статистика указывает на исчезновение общины в 1917-м, это не уменьшает проблему её оживления из-за самого революционного взрыва.

Ленин частично понимал это в 1918-м и 1919-м (ср. Восьмой съезд российской коммунистической партии). Он настаивал на возвращении старых форм. Однако он анализировал феномен лишь с точки зрения развития капитала, а не общины (притом, что это не взаимоисключающие понятия). Разве не могла последняя ожить, когда огромный царский аппарат (который препятствовал всему развитию общин) был покалечен из-за ликвидации царя, а затем полностью разрушен началом борьбы на селе? Русские утратили свою старую общность после 1861-го, это было подтверждено многими писателями, но она не сменилась стабильной формой организации, и капитал развился лишь формально в некоторых регионах.

То, что эти общины могли ожить наиболее интересно для понимания того, как русская революция могла продолжиться и вынесения полного суждения о ней. Центральная царская власть, как мы это видели, была привита мелким общинам. Когда она исчезла, общность мирового пролетариата (диктатура пролетариата) смогла бы помочь коммунизму утвердиться гармоничным, т.е. ненасильственным путём, по сравнению с нынешними пытками в СССР. Оживление общин – это не просто гипотеза. Энгельс писал следующее о Польше:

"В Польше, в частности, в Гродненской губернии, где аристократия была большей частью уничтожена в бунтах 1865-го, крестьяне теперь часто покупают или снимают в аренду земли у аристократов и обрабатывают их, не разделяя на части, за свой коллективный счёт. Причём у этих крестьян не было векового коммунального земледелия, это не великороссы, а поляки, литовцы и белорусы".

В общем, можно сказать, что поскольку капиталу не удаётся преобразовать человека и породить новый вид, существуют некие человеческие инварианты, которые очевидно остаются скрытыми, особенно с учетом того, что господство капитала старше. Более того, эти инварианты подвержены географическим влияниям, так, существует инвариантная тенденция возвращения к общине, которая сильнее и жизнеспособнее в зонах, в которых преобладающие

условия затрудняют автономизацию индивида. Вот почему мужчины и женщины могут предпринять реконквисту и начать сами творить свою жизнь на мировом уровне, с того момента, когда материальная и фиктивная общность капитала будет уничтожена. Тенденция к формированию общечеловеческой коммуны наверняка будет очень сильной в СССР именно из-за того, что мы говорили об истории этой страны.

Стойкость и даже оживление аграрной общины в России отмечались специалистом по славянским вопросам, П. Паскалем:

"Община не умерла после революции".

Он пишет, что она всё ещё была живой в 1966-м.

Ясно, что нельзя делать основательные выводы из нескольких замечаний автора в его книге. Однако существуют прямые и косвенные свидетельства, доказывающие факты оживления общины. Волин приводит их в «Неизвестной революции», но это просто аллюзии, на основе которых нельзя ничего выстроить.

Свидетельство Троцкого особенно интересно из-за его чисто марксистской позиции. Он пишет в «Истории русской революции»:

"Одновременно начинается движение общинников против отрубников, т. е. крепких крестьян, выделившихся на самостоятельные участки на основании столыпинского закона 9 ноября 1906 года".

Это ясно свидетельствует о желании крестьян возродить общину, о котором Троцкий ничего не говорит: он удивлён тем, что бедные крестьяне искали кулаков, чтобы те шли вместе с ними грабить поместья дворян. Кулаки всё ещё были частью общины. Её власть впечатляла его.

"В Курской губернии начались преследования отрубников, отказывавшихся вернуться в общину. Перед великим земельным переворотом, перед черным переделом, крестьянство хочет выступать как одно целое. Внутренние перегородки могут стать помехой. Мир должен выступать как один человек. Борьба за помещичью землю сопровождается поэтому насилиями над хуторянами, т. е. земельными индивидуалистами".

Реформа Столыпина была важной только для того, чтобы КСП внедрился в сельское хозяйство через государственное вмешательство вместо того, чтобы позволять действовать механизмам стихийной экономики. Текст Троцкого показывает волю общины к восстановлению своей целостности и своего самоопределения в целостности. Объяснение Троцкого абсолютно поверхностно, это попытка оправдать его чисто классовую теорию. Бордига поддержал Ленина в «России и революции в марксистской теории», сказав, что аграрная коммуна была полностью уничтожена до 1917-го, но в «Социально-экономической структуре России сегодня» он написал:

"Самой смелой реформе Столыпина 1906-го не удалось даже установить режим частных наделов на всей сельскохозяйственной земле (...) Но, считается, что только четверть коллективной формы управления была ликвидирована накануне мировой войны".

Это довольно близко к тому, что написал историк Кармайкл.

Это замечание Бордига также объясняет, почему Ленин всегда говорил о начале классовой борьбы на селе (тема, поднятая Сталиным в 1923-м), для того, чтобы с одной стороны поднять производительные силы, с другой, уничтожить власть кулаков. Когда Ленин написал:

"Для того, чтобы расколоть крестьянство и некулацкие элементы привлечь на свою сторону, потребуется много времени" (там же, т.40) не означало ли это, что община сохранялась, несмотря на то, что статистика не показывала этого? Позже он впервые отметил, что с крестьянами существовал альянс на экономическом уровне в 1921-м. Эволюция Ленина в отношении крестьянства выказывает себя в формуле "демократическая диктатура пролетариата и крестьянства", которая стала "демократической диктатурой пролетариата и бедного крестьян-

ства", затем "диктатурой пролетариата... при поддержке бедного крестьянства или полупролетариев".

Это не решающий фактор, но его достаточно для того, чтобы предпринять новый анализ этого вопроса. Это также следует сделать со знаменитой мерой эсеровской программы, которую они не смогли применить и которую реализовали напрямую крестьяне с согласия и даже с помощью большевиков; земля – крестьянам. Таково было требование крестьян к царю, освободившему их от крепостничества, но наложившего на них выплату выкупов. Крестьяне считали, что земля принадлежит им, как вспоминал Плеханов:

«'Мы принадлежим вам, а земля принадлежит нам', говорили крестьяне помещикам».

Нельзя с точностью утверждать, что это доказывает мелкобуржуазный характер крестьян: их собственнический инстинкт. Царь ушёл, они вернули себе своё. Понятно, что многое за это время изменилось. Аристократам и буржуазии удалось монополизировать землю, создав множество второстепенных антагонизмов. Но в основном произошло то же, что и с Коммуной:

" Коммуна – это обратное поглощение государственной власти обществом, когда на место сил, подчиняющих и порабащивающих общество, становятся его собственные живые силы...".

Рабочие вновь ввели республику, отнятую у них Второй Империей. Русские крестьяне вернули себе землю и свою общность, отнятые у них царизмом. Это могло стать началом реформирования общин на более высоком уровне, при условии, что крестьян поддерживало бы новое государство, которое должно было устранить элементы, пагубные для развития общин, как Маркс писал в своих черновиках писем к Засулич. Победа марксизма стала препятствием для реализации этого решения. Государство считалось создателем организационных форм (и действовало как таковое, ср. создание комитетов крестьянской бедноты в 1918-м), а не живой координирующей силой для связей различных общин между собой и с городами. Это стало выражением не органического централизма, а деспотического централизма.

Наконец, вполне возможно, что коммунитарный феномен не проявлялся с одинаковой интенсивностью (документы не проясняют этого обстоятельно), но существовали регионы, где это происходило, без малейшей степени сомнения – на Украине.

Махновщина была бы невозможна без сопротивления крестьян на их общинной основе, и Троцкий не отрицает данных, приводимых Аршиновым. Троцкий лишь негативно подтверждает основные характеристики, описанные выше в своей полемике (Военные записи). Движение обвиняется в анархизме, и в нем, конечно, участвовали анархисты (только они защищали его и аплодировали ему), но это было лишь частью истины, потому что означало бы забвение того факта, что всё народническое движение, как выражение общины, было анти-государственным. Но мы видели, что русский марксизм утратил своё народническое измерение в своём желании способствовать развитию капитала. Позиция Маркса в черновике письма к Засулич не была таковой:

" Ныне этот недостаток (изолированность общин, благоприятная для прививания деспотизма – ред.) весьма легко устраним. Следовало бы просто заменить волость [Это слово написано Марксом по-русски. ред.], учреждение правительственное, собранием выборных от крестьянских общин, которое служило бы экономическим административным органом, защищающим их интересы".

Именно это пытались реализовать украинцы, как объясняет Аршинов в своей книге «Махновское движение».

Ещё один случай, который гораздо труднее анализировать – это Кронштадт и намного менее известное восстание в Тамбовской губернии. Так, заняв позицию по народникам и из-за своего непонимания позиций Маркса по России, большевики не могли понять сам феномен, или принять его; более того марксизм на мировом уровне видел в капитализме прогрессивный элемент и защищал его. В то же время, даже противостоя капитализму, марксисты всё равно превозносили его роль, всё по той же причине: из-за развития производительных сил.

Фактически, именно пролетарский класс как целое не смог найти окончательного решения по русскому вопросу.

Мы хотели бы отметить последнее крупное историческое движение, более или менее выказавшее черты коммунитарности в своём поведении: насильственную коллективизацию 1929-го, которую Дойчер считал второй революцией "даже более радикальной, чем первая". (Staline, изд-во Gallimard, Livres de poche, стр. 362) Если Дойчер и обличал насильственный характер коллективизации, он в то же время отмечал энтузиазм этого движения вначале:

"Начало коллективизации стало бесспорным успехом". (там же)

что также отмечал Бруэ:

"Коллективизация действовала гораздо менее схематично и фактически в менее прямолинейной манере. Она пробуждала бесспорный энтузиазм среди беднейших слоёв крестьянства, которые были тогда призваны к вековой борьбе за землю, в новой форме, против тех, кого считали эксплуататорами (кулаки – ред.). В этом смысле можно было говорить о самом настоящем крестьянском 'Октябре'". (« Le parti bolchevik », изд-во Minuit, стр. 316)

Следует отметить, однако, что борьба бедных крестьян против кулаков вскоре превратилась в борьбу против государства. Следует также отметить, что зачастую целые деревни были связаны с кулаками. Непоследовательность мужиков происходила из более глубоких причин, это могла быть защита собственных общин.

Комитеты крестьянской бедноты, основанные в 1918-м, были неудачным начинанием. Крестьяне откликнулись с апатией (без желания сотрудничать на экономическом уровне) на разрушение их старых общинных отношений. Вот почему они могли обманываться насчёт природы коллективизации вначале, и взбунтоваться против неё позже. Но после того, как Сталин сбросил балласт, и колхозы относительно стабилизировались, он осознал опасность общинного возрождения:

"Он напугал партию, сказав, что колхозы могут стать даже опаснее для режима, чем частные фермы. В старину крестьянство было разобщено и тяжело на подъём: ему не хватало способности к политической организации. С начала коллективизации крестьяне организовались в компактные органы, которые могли поддерживать советы, но могли также обернуться против них с большей эффективностью, чем индивидуальные фермеры. Для того чтобы сохранить контроль партии над ними, были основаны сельские политотделы". (I. Deutscher, « Staline », стр. 406-407)

Сталин хотел бы превратить крестьян в наёмных работников, находящихся в прямой зависимости от государства, не больше и не меньше, и полностью уничтожить их старую общинную организацию. Они, и старое народническое движение, отказывались подчиниться этому, начиная с 1861-го. Поэтому Сталин мог разрешить эту трудность, всё больше превращая колхозников в ростовщических кулаков, распространяя тот же принцип не только на крестьянство, но и на городские слои рабочего класса¹⁹.

Однако, согласно некоторым авторам общинные достижения не полностью исчезли даже сегодня, согласно некоторым авторам. Как мы уже отмечали, это говорил П. Паскаль, и Б.Г. Керблей пишет об этом в своей статье «Перемены в советском сельском хозяйстве»:

"Недавние дебаты показывают коммунальную и семейную традицию, которая, в некоторых случаях, явно выступает против потока решений по модернизации аграрной структуры". (Problèmes économiques, № 1162, 1970)²⁰.

Избавимся сразу от возможного недопонимания. Мы абсолютно не хотим сказать, что КСП не мог или не может укорениться в России. Вопрос сложнее. Мы хотим показать, что КСП не может развиваться в определённых регионах, на различных стадиях истории. Так, в Германии, капитализм в своей первобытной, меркантильной, коммерческой форме (свободная торговля на либеральной стадии) встречал очень большие препятствия. Казалось, что 'характеристики' немцев и природа страны были полным подтверждением принципов капитализма. Сам Маркс

с иронией говорил о немецкой патриархальности и деревенской жизни немецкого филистера... Однако, когда капитал достиг определённого измерения, в форме постоянного капитала, а значит, нужны были наука и организация, немецкий 'характер' стал соответствовать капиталу. Мы знаем когда, в конце прошлого и начале нынешнего, рационализм пережил прогресс в этой стране и предвосхитил всё будущее движение капитала в 20-х, которое расцвело в США после Второй Мировой войны.

Плеханов часто использовал немецкий пример в борьбе против народников. Он цитировал всех авторов, кто утверждал до этого, что КСП не мог развиваться в Германии для того, чтобы поставить их в контраст с реальностью Германии его времени, и, делая это, он говорил народникам, что в России также ничто не препятствовало КСП.

Это правда, что анализ Плеханова недостаточен. КСП конечно мог развиваться в России с того момента, когда он утвердился на Западе в качестве материальной общности способной заменить царское государство (в Китае он сменит высшее, всепоглощающее единство). Именно это и произошло. Одновременно это помогло установлению реального господства капитала в самых развитых регионах. Сталинизм и нацизм нельзя сравнивать, но между ними было нечто общее. Нацистский тоталитаризм мог быть текучим и переходным, потому что реальный деспотизм капитала уже действовал там, тогда, как в России он только должен был только начать утверждаться. Поэтому можно задать вопрос, не должен ли был капитал сначала утвердить своё господство для того, чтобы потом установиться в СССР. Не должен ли он достичь производства не просто нового типа человека, но нового вида, реализуя в плохом смысле магическую утопию, как у Замятина в романе «Мы»?

Некоторые ученые в США, как показал Маркузе, стремятся к вмешательству в наследственные феномены, для того чтобы совершить переворот в человеческой биологии и полностью адаптировать человека к капиталу (старая мечта капитала, ср. у Гэлбрейта!). Прогресс, достигнутый в США и других странах вместе с прогрессом, достигнутым адептами манипуляций человеком в СССР (где произошла эволюция от трудовых концлагерей к психиатрическим концлагерям), позволяет производить человека без земных потребностей; от зависимости от сельского хозяйства можно избавиться. Тем временем, производство деменции также является средством приручения человека. На Западе, капитал производит её своим жизненным курсом, подчиняющим себе человека, в СССР, из-за отставания, всё ещё требуются заведения, специализирующиеся на безумии... Однако в то же время очевидны и точки соприкосновения. Преступность и безумие являются основными современными характеристиками капитализма.

Принимая это во внимание, можно видеть, что дебаты 1906-го на Стокгольмской конференции о национализации земли и опасность, подразумеваемая их восстановлением, выказывает недостаток знаний о создании материальной общности капитала и отход от всех перспектив использования общинных аграрных структур во время перехода к коммунизму.

"... Плеханов, защищал Маслова и пытался уверить съезд, что ленинская национализация – эсеровщина и народовольчество". (*Ленин В.И., Доклад об Объединительном съезде РСДРП*).

"Поскольку в московской Руси была (или: если в московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был азиатский способ производства. Между тем, в России со второй половины XIX века укрепился, а в XX веке стал уже безусловно преобладающим капиталистический способ производства". (*там же*)

Но там никогда не было Азиатского способа производства, и, с другой стороны утверждение о полном доминировании КСП так же противоречит фактам. Почему же тогда, как мы отмечали, революция, которая должна была только установить диктатуру рабочих и крестьян, почему эта революция была по сути своей буржуазной, согласно самому Ленину?

Почему Ленин стремился к национализации? Для того чтобы перескочить через последовательные этапы, сделать возможным развитие самых передовых капиталистических форм. В этом контексте можно лишь согласиться с ним. Но, для достижения полной последовательности, ему пришлось отвергнуть все предпосылки аргументации Плеханова. Здесь у Плеханова обнаруживаются элементы старой народнической теории, например, в отношении значения государства.

" У нас дело сложилось так, что земля вместе с земледельцами была закреплена государством, и на основании этого закрепления развился русский деспотизм. Чтобы разбить деспотизм, необходимо устранить его экономическую основу. Поэтому я против национализации теперь ". (там же, т.16)

Другой социал-демократ сделал следующее замечание:

"Если бы революция... привела к попытке национализировать крестьянские наделенные земли или национализировать конфискованные помещичьи земли, как предлагает т. Ленин, то такая мера повела бы к контрреволюционному движению не только на окраинах, но и в центре. Мы имели бы не одну Вандею, а всеобщее восстание крестьянства против попытки вмешательства государства в распоряжение *собственными* (курсив Джона) крестьянскими наделенными землями, против попытки их национализировать ". (там же)

Меньшевики приняли искусственное решение и чтобы доказать его эффективность против самодержавия, она приводили примеры автономистских движений армян, казаков и т.д. Аграрная община обладала всё ещё сильным присутствием в начале двадцатого века, в первую очередь в этом последнем случае. Реальным было решение Маркса и народников: дать землю общинам и преобразовать государство, чтобы оно стало их союзником. Отсюда государство уже не могло возвышаться над общиной как деспот, но становилось связью между городом и деревней (напр. для поставок сельскохозяйственного оборудования) и защитником против кулаков, с тем, чтобы вернуть их в общины, а не уничтожить их. Так должно было реализоваться государство-коммуна.

Подобная мера не означала передачу земли одному классу производителей, потому что как сказал Маркс в «Национализации земли», это не позволило бы нам продвинуться к коммунизму.

Земельная собственность может принадлежать только виду. Это означало бы оживление общин, вовлечение технического прогресса и избежание развития капитала. Это означало бы, вкратце, применение фундаментального пункта тогдашней коммунистической программы: упразднение разделения и противостояния между городом и деревней. Капитал добился этого своим путём и к своей выгоде. Отношения между человеком и природой стоят иначе.

В отсутствие этой перспективы, Ленин мог дать лишь следующую гарантию против реставрации в России:

" Мы не в состоянии по своему желанию вызвать социалистический переворот на Западе, – эту единственную абсолютную гарантию от реставрации в России ". (там же)

Он был прав, но он сместил проблему. Он не видел, что опасность реставрации заключалась не в возвращении к иному виду производства (реставрация во Франции не восстановила феодализм, монархия была буржуазной, она должна была стоять во главе общества, становясь буржуазной сама, она могла лишь сдерживать движение), но в утверждении предыдущей формы политического господства, которую следовало подавить. Надо было понять развитие капитала, как материальной общности, достигнутой на Западе на основе обобществления производства и людей. Этого не могло произойти в России, потому что капитал был недостаточно развит для приручения человека, для навязывания ему жизни капитала, количественного времени, времени капитала. Здесь была реальная деспотическая власть, правившая всеми аспектами жизни, а отсюда реставрация деспотизма. Поэтому в том, что Сталина называют Красным Царём присутствует большая доля правды. Этот деспотизм мог быть не обскурантистским,

а просветительским, и здесь мы опять обнаруживаем важность марксизма. Вмешательство государства подразумевает определённую волю, определённую сознательность. Исторический материализм подходит для этих целей, объясняя фундаментальные механизмы способа производства различными представлениями для различных классов или элементов, вмешивающихся в процесс. Поскольку государству пришлось развивать КСП, с перспективой уменьшения продолжительности существования капитала, что означало, что социальное целое было неспособно породить или преодолеть его. Таким образом, не общество порождало собственное адекватное представление и сознательность во время своего движения. Ему надо было дать сознание чего-то, что оно должно было сделать. Эта обязанность была ещё более ограничительной, поскольку между менталитетом мужика и целями развития капитала существовала пропасть. Не случайно Ленин говорил, что нужно было учиться работать!

Наконец, государство усилилось (как после каждой революции во Франции), и только после поражения революции на Западе сбылся меньшевистский прогноз. Бюрократия была лишь вторичной. Бюрократы должны были выполнять решения государства. Они не могли сформировать автономный класс (как при царизме, так и в советский период). Они были не единственными, кто вдохнул жизнь в КСП, они просто жили за его счёт, так же как все капиталисты стали функционерами капитала (ср. Маркс о деперсонализации капиталиста). Но даже в России, господствующим слоем были не бюрократы, как говорил Бордига, а спекулянты, бизнесмены, бандиты и т.д., которые расцветали на основе материальной общности, находившейся в построении (на промышленной арене). Просто в СССР это приняло более государственническую форму и они, как говорил Бордига, сосали пенис у государства. Этот анализ соответствует анализу Маркса, когда тот говорил, о "капиталистических торговцах, обретающих власть за счёт того же государства".

Капитал без капиталистического класса: это могло быть реализовано самим КСП, как писали Рикардо, Маркс и Бордига²¹. Это было возможно только на Западе, где капитал установил материальную общность и сверг старые государственнические предпосылки. Сглаживание противоречий капиталистического класса произошло посредством реставрации деспотизма в СССР (тенденция была идентичной в Азии), чтобы капитал не господствовал там в соответствии со своей сущностью. Но всевозрастающее вмешательство мирового капиталистического сообщества, особенно, через посредничество США, продолжит насаждать всё более жёсткое соответствие между капиталом и господствующей над обществом властью.

Общей заботой царя, народников и большевиков было использование производительных сил капитала без существования капиталистического класса. Для царей это был вопрос использования этих сил для совершенствования своего господства над русским народом и борьбы против других государств. Для народников необходимо было перескочить через КСП, для большевиков сократить его продолжительность. Но марксисты должны были действовать как провидцы, как говорил Бордига, и выполнить романтическую задачу, они неизбежно должны были выполнить и задачу контрреволюции в отношении пролетариата, когда им пришлось самим управлять капиталом после отлива революции на Западе. Это дало толчок теории, что массы были неспособны понять свои собственные интересы. Только у партии и государства были наука и знания об их потребностях. Поэтому были востребованы репрессии, они считались гуманными, потому что людей убивали ради их же блага. Государство было настоящим благодетелем! Народники также понимали эти задачи:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.